

Игорь Шушарин
Евгений Вышенков
Андрей Дмитриевич Константинов
Форс мажор
Серия «Наружное наблюдение», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11288417
Наружное наблюдение. Форс-мажор / Андрей Константинов при участии Евгения Вышенкова
и Игоря Шушарина: АСТ; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-059211-1, 978-5-9725-1525-7

Аннотация

...Чтобы спасти своего товарища, необоснованно подозреваемого в причастности к «краже века», бывшие участники экипажа наружного наблюдения снова собираются вместе. Очень скоро выясняется, что, помимо заклятого врага, им противостоят еще и продажный опер из ГУВД, загадочный Специалист и двое дерзких преступников – мистер Серый и мистер Черный.

Читайте вторую книгу заключительной части трилогии Андрея Константинова «Наружное наблюдение. Форс-мажор»!

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	25
Глава третья	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Константинов, Евгений Вышенков, Игорь Шушарин Форс мажор

Книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, – художественное произведение, поэтому все изложенное в ней – авторский вымысел. Возможное сходство с реально существующими людьми, организациями и обстоятельствами – случайно, а любые расхождения – наоборот, закономерны.

© А. Константинов, 2009

© ООО «Астрель», 2009

* * *

Глава первая

Доверяй только тому, кто в случае провала потеряет не меньше тебя.

Правило успеха Брейлика

Старшего оперуполномоченного по особо важным делам Некрасова с великим русским поэтом-однофамильцем роднили две вещи: страсть к охоте и тайное знание, кому на Руси жить хорошо. Но если во втором случае барин Николай Алексеевич, высчитав подобных счастливицев, занимался обличением и ставил вопросы, то его неполный тезка из питерского Главка, напротив, таким людям искренне завидовал. И искал решение: как бы так изгладиться, чтобы к их стану примкнуть?

Кто ищет – тот всегда найдет. Но в случае с Некрасовым вышло с точностью до наоборот: это его, в ту пору совсем зеленого не джентльмена, но дознавателя, мечущегося по своей земле в поисках червонца, приметил, а затем и приветил «особист» Ребуса Сергей Гаврилович Завьялов. Нашлись добрые люди: подсказали, намекнули, слили.

На чем и каким образом Завьялов подловил и обратил в свою веру молодого лейтенанта милиции, рассказывать скучно. Да и положила руку на сердце – тошно. Одно можно сказать: паскудная то была история и при иных обстоятельствах вполне могла обернуться для Некрасова длительной обзорной экскурсией в городок Нижний Тагил. Но обошлось. Почти разуверившегося в своей счастливой, хотя бы майорской звезде лейтенанта подобрали, обогрели, а взамен попросили о нечастом, но безукоризненном исполнении не самых обременительных поручений. Некрасов прикинул, взвесил и решил, что при таких раскладах можно и повистовать. Поговорка про «увязший коготок» в тот момент на ум ему не пришла. Не до того было...

Завьялов принялся всячески пестовать и лелеять ментовского «крестника», возвращая его, словно цыпленка-бройлера. Достаточно сказать, что в течение полутора лет Некрасова потревожили лишь дважды. Да и то по сущим пустякам: скорее, проверяя на лояльность, нежели используя всерьез. Зато он умудрился без проволочек получить старлея и попасть на «Доску почета» родного отдела. То, что устойчивые показатели по «домашникам» и сбытчикам наркоты обеспечивали приставленные Завьяловым кураторы, чистившие свои ряды путем слива отработанного или рискованного материала, в данном случае – дело десятое. Важнее другое: именно с этой самой почетной доски Некрасов шустро перескочил на уровень РУВД.

Ребус внял доводам Завьялова и коней удачливого засланца не торопил. Хотя возникающие, как грибы после дождя, бизнес-темы, замыкающиеся на Северо-Западный регион в целом и на родину Президента в частности, все чаще требовали милицейской прикрышки. А как раз по питерскому региону у Ребуса наблюдались серьезные бреши: преданных, готовых на все «синих» в Северной столице хватало с горочкой, а вот со своими «цветными» – проблема. И раньше-то Питер слыл не воровским, а бандитским городом, а теперь и вовсе сделался «красным». Словом, без местных, властью облеченных слуг государевых ни одной серьезной делюги не выправить.

Меж тем карьерная поступь Некрасова продолжала ставить рекорды почище Сергея Бубки: через два года и три месяца, просиженных в РУВД уже в чине капитана, тот был рекомендован в уголовный розыск Главка. И не абы куда – в «заказной», к Есаулову. Помимо сторонних хлопот нужных людей, добрую службу сослужило блестящее раскрытие Некрасовым громкого убийства нефтетрейдера Лавренева. Между прочим, поставленного на контроль в МВД. Эту «суку», по частному определению Ребуса, давно следовало валить. Здесь:

естественно, бизнесмена, а не министерство в целом, хотя... Но валить следовало так, чтоб какая-никакая, но практическая польза имела. Так оно в итоге и вышло: конченого наркомана, который сразу после задержания раскололся в убийстве с целью грабежа, а через пару дней в камере склеил ласты, Некрасов «нашел» практически в одиночку. Безо всяких специально присланных из столицы крутых следственных бригад. Награда неминуемо нашла своего героя. И это было уже кое-что. Ибо УУР, к тому же отдел Макса Есаулова, – это вам не кот начихал. Отсюда, при желании, можно и в милицейский космос шагнуть, в Поднебесную. Если только не переусердствовать в стремлении.

Но тут, как назло, случился форс-мажор: не приняли Некрасова в отделе Есаулова. Не то чтобы смекнули нехорошее, проверочку там негласную организовали либо сигнальчик какой от осведомленных людей получили, – сработала сугубо сыщицкая интуиция. А все потому, что гнилым человеком был Некрасов. А когда случай (он же судьба) невольно сводит тебя с людьми, смысл жизни которых в том и состоит, чтобы правильно и вовремя приняться, надо быть готовым к тому, что гнильца твоя все равно прочухается. Даст знать о себе иным прочим неведомым запахом.

Все началось примерно в конце февраля 2005 года: аккурат посерединке между неофициальными мужским и женским праздниками. Коротая вечер, небогатый на животрепещущие криминальные события, Есаулов сидел в своем кабинете и смахивал зарегистрированные агентурные сообщения в пухлые журналы регистрации. Редко подобное оформлялось (если оформлялось вообще), но, видимо, боги-покровители этого вечера как-то особо пригласовали штабной культуре.

Видавший виды начальственный дырокол Некрасова избирательно обошел стороной на удивление разборчиво заполненный документ. Сей факт заинтересовал покуривающего в непосредственной близости к столу напарника Есаулова Олега Торопова. Он интуитивно подтащил обойденный вниманием лист поближе к себе и вчитался.

НАЧАЛЬНИКУ

10-го отдела УУР

подполковнику милиции

ЕСАУЛОВУ М. В.

**ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ САНКТ-
ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**
секретно

АГЕНТУРНОЕ СООБЩЕНИЕ № 508

ПО ДЕЛУ _____

Источник: **Изумруд**

Принял: **Некрасов**

26.01.2005 г.

Источник сообщает, что недавно познакомился с женщиной по имени Света, которая является хозяйкой кафе «Элефант» на 7-й линии В. О., 32. В доверительной беседе Светлана рассказала источнику, что знакома с квартирными ворами Пашей, по прозвищу Хабаровский и Антоном по прозвищу Чпок. Источник установил, что Светлана скупает у них редкие и дорогие вещи, а затем перепродает через своих знакомых на Андреевском рынке. Так, неделю назад Светлана приобрела у них

старинный серебряный портсигар с изображением казака, догоняющего немецкого солдата. На задней стороне портсигара читается гравировка: «Подпрапорщику Сашули от ротмистра Ягдеева. Благодарю за точность. 14 июля 1915 года». Светлана портсигар, скорее всего, оставит у себя. Хранит она его в своей комнате, по адресу Кожевенная линия, 7–71. В комнате, слева между стенкой и дверью, расположено трюмо. На нем стоит черная, деревянная, круглая шкатулка с нарисованными розами. В ней и находится завернутый в кусок белой марли портсигар.

Изумруд

Задание: Постарайтесь установить более точные данные знакомых Светланы, их место жительства, конкретные преступления, совершенные ими. Особо обратите внимание на установление знакомых Светланы, которым она сбывает краденое.

Задание усвоил: Изумруд

Справка: Фигурант установлен, им является Неелова Светлана Аркадьевна, 17.08.1978, СПб, зарегистрирована по Кожевенной линии, 7–71. Является директором кафе «Элефант».

Мероприятия: Установить данные Павла и Антона, проверить их по ИЦ ГУВД. Установить потерпевших, у которых был похищен портсигар, через БД похищенных вещей, сводку ГУВД. В случае установления вышеуказанного привлечь фигурантов к уголовной ответственности.

*СТ. ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ УУР
КАПИТАН МИЛИЦИИ НЕКРАСОВ*

-
- Ты внимательно читал сообщение? – изумился Торопов, откладывая бумагу.
 - И что новенького в нем я должен узреть?
 - Потрясают подробности, – задумался соратник и подчиненный.
 - Ну, а что здесь такого голливудского?.. Ну барабан, ну спал с ней... – немного нервно и сбивчиво объяснил Есаулов.
 - И это, по-твоему, правильно?
 - А что такое плохо? Чего ты мне кровь пьешь? – не понимая смысла, спросил Есаулов, захлопывая сейф. В недрах которого упокоился и обсуждаемый «тугамент».
 - Прав, пью, – согласился товарищ и ушел к себе...
 - МАКС?! – через несколько минут ухнуло в помещении уголовного розыска.
 - Ну что еще?!
- Есаулов нарисовался в проеме двери общей оперской. Нарисовался нервно, с тоскливым взглядом, ибо день выдался непростой.
- Эта Света... Короче, она жила с Некрасовым. Я бывал у нее дома, – с интонацией кающегося грешника выдавил из себя Торопов.
 - И Некрасов, якобы от агента, на нее написал? – дошло наконец до начальника.
 - Ага... Вообще-то, они уже давно не общаются, не поделили... – запнулся Олег. В данную минуту ему казалось, что он закладывает коллегу, и это очень сильно его смущало.
 - Так какого же ты молчал? – набросился на него Есаулов.
 - Ну, штука вроде как интимная...
 - ЧТО?! Человек, с которым мы каждый день нарушаем все мыслимые инструкции, не говоря уже об УПК, пытается отомстить телке, которая с ним жила, через нас же! И при этом глупо и тупо!.. Извиняй, Олежек, но это уже наше извращенно-сексуальное дело!

– Они, наверное, действительно того... – нашел крайне неудачные смягчающие обстоятельства Олег.

– Да хоть этого! – рявкнул Есаулов. – Сука изумрудная! Завтра на нас настроит!

– Надо бы как-то... – чуть более уверенно стал вмешиваться в зарождающиеся планы начальника Торопов.

– Да не как-то, а в хавальник пару раз!

– Слышь, Максим, а на Чпока, я знаю, сейчас разработка у смежников... – предупредил шефа Олег, стараясь анализировать как можно шире.

Но того было уже не остановить:

– Да хоть бесшумные хелекоптеры за нами следят! Твою мать! Я с ним вчера на осмотре места происшествия – на этом вонючем томатном складе – покрышки скоммуниздил «государевы»! – дошло и задело за личное Есаулова.

– Я, кстати, с этим Некрасовым с самых первых дней, как только нам его навязали, работать не могу, – окончательно открыл карты Торопов.

– Вот тебе и повод в обнимку с причиной. Приплыли! И это в нашем краснознаменном, гвардейском экипаже!!!

Сил материться хватило минут на пять. Затем совместными усилиями они попытались выработать стратегию. В конечном итоге Светлану не привлекли, да она бы и сама отвертелась. А обоих квартирников оставили в покое – те все равно через три месяца сели: хоть и не за это, так за прочее.

А вот с Некрасовым оказалось сложнее. Формальных оснований и поводов избавиться от новичка у Есаулова не было. Сволочь – категория нравственная, уставами и инструкциями не закрепленная. А работал Некрасов не лучше, но и не хуже других. Показатели делал, хоть жилы особо и не рвал. Незалетный, незапойный. И не без фарта, что в их работе, почитай, полдела. Ходили, правда, по Главку мутные слухи, что фарт Некрасова уж больно избирательный. Это как если бы ты пришел на рыбалку часикам к двенадцати, еще и червячка насадить не успел – гля, а уже клюет! А рядом, на том же месте, твои товарищи, которые загодя, еще на первой зорьке засели. И мотыль, и опарыш, и прикормки у них самые разные, а все равно – ни фиги, ни единой поклевки. Если это особый рыбацкий талант, дар Божий, то почему тогда: как за пескариками, так у Некрасова их за час полное ведро, а как на рыбину крупную, крученую – как отрезало, природа отдыхает? Но ведь и такая «мистика» еще не повод избавляться от человека.

Можно было, конечно, устроить Некрасову пару-тройку подстав – в конце концов и не таким лосям рога отворачивали. Однако Есаулов и Торопов, хоть и много разного за службу свою начудили, но так и остались «настоящими парнями». Посему решили выживать Некрасова на повышение, причем желательно в периферийный колхоз. Дабы потом соседи за такой «подарочек» предьяву не выкатали.

А вскоре случилась та самая история с неудачным задержанием Ребуса. И теперь уже Есаулов лично заинтересовался странными феноменальными способностями своего подчиненного. То, что Ребусу удалось тогда уйти, – это полбеда. При той классической организационной неразберихе, при ежечасно поступающих противоречащих друг другу начальственных вводных и дебильной ошибке в объекте на Московском вокзале, трудно было надеяться, что выйдет как-то иначе. Но вот распечатка, вернее ее копия, которую сотрудница ОПУ случайно подмахнула в машине Дорофеева, вызвала у Максима гораздо больше вопросов. Доступ к этому документу имел ограниченный круг людей, в число которых входил и Некрасов. А учитывая, что в ту роковую ночь между ним и бригадиром наружки вспыхнул непонятный конфликт, подозрения в отношении Некрасова усилились.

Усилились – но не более. «Опушник» в ту ночь скоростно скончался, и об истинных причинах конфликта отныне можно было только гадать. Что касается Полины Ольхов-

ской, вышло так, что нормального контакта установить с ней не удалось: после гибели бригадира та ушла из наружки, и все последующие попытки встретиться и в неформальной обстановке поговорить без протокола завершились неудачей. Более того, в последний раз, когда Есаулов пытался дозвониться до Полины, трубку снял ее любовник – крутой и влиятельный бизнесмен Игорь Михайлович Ладонин, который в довольно грубой форме послал Максима по одному привычному адресу.

Раскрутить Дорофеева тоже не удалось. Хотя и был он ранее судимым, хоть и проходил по спецучетам как «редиска – нехороший человек», но на момент задержания был полностью чист. А документ, который нашла в его машине Полина, был изъят без соблюдения необходимых процессуальных норм. Так что Дорофееву не составило особого труда отпереться: «Я – не я и лошадь не моя; нечего мне всякое фуфло подсовывать; и вообще – вот у меня справка из школы о том, что я буквы в слова складывать так и не научился». Формально он, в общем-то, был прав.

Словом, внутреннее расследование, проведенное Есауловым, выражаясь по-чеховски, «попало в запендю». Последнее средство – вызвать Некрасова на откровенный мужской разговор – также не принесло результата. Он «то плакал, то смеялся, то щетинился как еж...». В общем, после долгого, на повышенных оборотах разговора подозрения Есаулова почти переросли в убежденность. Вот только фактов, конкретики все равно не было. Так что, когда вскоре на отдел пришла разнарядка откомандировать перспективного сотрудника на трехмесячные курсы повышения квалификации, Максим не раздумывал ни минуты. Хотя на квартал, но с глаз долой, из сердца вон...

Некрасов убыл, а через три месяца, веселый и загорелый, вновь появился в отделе. Появился лишь для того, чтобы передать дела и забрать вещи: приказом начальника Главка его переводили на высвобожденную должность важняка к «антикварщикам». То бишь перспективный и вконец квалифицированный, тот уходил на повышение. О чем когда-то и мечтали Есаулов с Тороповым. Но то было на Пасху. А сейчас...

Максим вызвонил начальника антикварного отдела, встретился с ним в «Толстом Фраере» и за парой кружек нефilterованного поделился сомнениями и подозрениями касательно Некрасова. Начальник соседей выслушал его внимательно, покачал головой, оплатил выставленный за двоих счет и... развел руками. С его слов, кандидатуру Некрасова на должность переслужившего все мыслимое и немыслимое и наконец выдворенного на пенсию легендарного Иван Филиппыча навязали ему сверху, безо всякого согласования.

Это было все, что Есаулов мог сделать в подобной ситуации. Конечно, можно было попытаться своими силами поймать Ребуса. Вот только с валютными командировочными до испанского побережья в Главке, как нетрудно догадаться, обстояло туго. Да и к самой этой теме руководство Есаулова быстро потеряло интерес. Объявили законника в международный розыск – и славно, баба с возу. Пушай теперь им бюро Интерпола занимается, у нас и своих проблем хватает. Вон, те же саммиты да международные экономические форумы некому обеспечивать...

* * *

Охрана первого периметра долго не хотела пропускать их внутрь. Полчаса назад хозяйка дала четкое указание – должен подъехать молодой парень, фамилия Козырев. Его – впустить, всех остальных прочих гнать в шею. В результате нарисовались двое. Один – вроде как молодой и вроде как Козырев. Но второй при нем – девка, да еще и в легкомысленном мини. Согласитесь, подозрительно...

Впрочем, можно понять и охрану: вторая половина дня прошла на диком нервяке, которого здесь отродясь не бывало. Что там говорить, если даже сейчас, когда стрелка часов

приближалась к полуночи, в непосредственной близости от центрального входа тусовалась телевизионная бригада «РТР», снимая свой видовой стенд-ап для утреннего выпуска новостей. Кстати, один из телевизионщиков попытался даже проникнуть внутрь здания, но ошутимо получил по морде. Слава богу, камера у него на тот момент не работала, иначе парящему на нарах Ладонину непременно бы икнулось. А ему и без того сейчас было не шибко весело...

Пришлось Козыреву звонить по мобильному с улицы и объяснять: «Полин, это я... Вернее, мы... Да, подъехал, стоим внизу... Да, нас двое, ты не беспокойся, это... В общем, все нормально, просто скажи своим... вашим... чтобы нас пропустили».

Через минуту Павел и Катя уже поднялись на второй этаж и прошли узким длинным коридором в тупичок, из которого начиналась директорская приемная. Козырев толкнул стеклянную дверь и, памятуя о досадном инциденте, с усилием навалился на нее, приглашая Катерину первой нырнуть в ладонинское зазеркалье.

В приемной, на знакомом кожаном диванчике, рядком сидели двое – заплаканная секретарша Ладонина и крепкий парень, нервно смоливший нечто среднее между самосадом и «Беломором».

– Надо же, – шепнул Паша Катерине. – До сих пор та самая. А мне думалось, что олигархи своих секретарш меняют, как бумагу в принтере.

– Дурачина ты... Настоящая секретарша – все равно что вторая жена. А бывает, что и первая.

– В смысле: в постели?

– Пошляк, – прошипела Катя и незаметно ущипнула его за бедро.

– Мы к Полине... Э-э, к Полине Валерьевне, – обращаясь к секретарше, объяснил Козырев. И протокольно добавил: – Нам назначено.

– Да-да, конечно, – вспорхнула с дивана Оленька. – Проходите, она давно вас ждет.

Павел без стука распахнул дверь ладонинского кабинета и спинным холодком ощутил на себе недобрый провожающий взгляд парня с «самокруткой». «Добро пожаловать к нам на Сицилию. Палермо – город контрастов, – подумал Паша. – Короче, попали. Те же и клан Сопрано».

Завидев входящего в кабинет Козырева, Полина бросилась ему навстречу и, крепко обхватив руками за шею, зарыдала. Заревела не стесняясь, в полный голос, так как впервые за бесконечно долгий, сумасшедший вечер в этих дверях возник некто по-настоящему, породному свой. Появился друг, а не приторно фальшиво сочувствующий соболезнователь.

Вошедшую следом Катю Ольховская заметила не сразу. Зато, когда заметила, тут же обеспокоилась. В прищуре больших и, надо отдать должное, безупречно красивых глаз, с которым на нее смотрела невысокая рыжеволосая молодая девушка, Полина бабьим своим чутьем мгновенно уловила право собственности на Пашу, а посему произвольно прижалась к нему еще крепче. Ей, у которой с арестом Ладонина словно бы отчленили часть нутра, отвечающую за внутреннюю гармонию, показалось, что сейчас вдобавок пытаются отнять еще и любимую вещь (если, конечно, так можно говорить о живых людях), которой она владела очень давно. И пусть эта «вещь» в последнее время была не востребована и по этой причине просто пылилась в шкафу, в самом дальнем углу, это ничего не меняет. Ведь она продолжала оставаться той самой, любимой, с которой связано столько воспоминаний. «Вещью», которую Ольховская никогда и никому отдавать не собиралась. По крайней мере без боя.

Между тем Паша, которому сделалось крайне неудобно перед Катей за столь бурное проявление чувств со стороны мадам Ладониной, аккуратно высвободился из объятий и нарочито нейтрально поздоровался:

– Привет, Полин! Знакомься, это Катя. Она... – Козырев попытался правильно сформулировать фразу, но не нашел ничего лучшего, нежели невольно сплагатить недавнее: – Это мой друг и просто очень хороший человек.

– Ну здравствуйте, очень хороший человек, – растерянно откликнулась на подобное представление Полина.

После таких слов Катя не удержалась и непроизвольно хмыкнула, еще больше смутив хозяйку.

– А еще она очень крутой спец в части всяких там прослушек, «жучков» и прочих интернетовских штучек. – Паша поспешил сгладить первое, не шибко приятственное впечатление. – Ты не подумай ничего такого, Катя действительно хочет тебе помочь. Вернее, нам помочь.

Полина в ответ молча кивнула и подошла к окну, выходящему на Невский. Некоторое время она во что-то всматривалась, а затем, резко повернувшись, подошла к распахнутому бару.

– Что-нибудь выпьете?

– О, нет, – всплеснула руками Катя, – спасибо. На сегодня я точно – пас.

– А ты, Паш?

– Разве что немного. Нам еще ехать.

– Вам еще ехать, понимаю... – повторила Ольховская и потянулась за бутылкой. – Я сегодня весь вечер тяну виски. Ты как?

– Пусть будет виски, – согласился Козырев.

Разлили по стаканам, выпили, каждый зажег по сигарете.

Немного подымили. За все это время никто не проронил ни звука, и Катя, поскольку дело к ночи, решила взять инициативу на себя:

– Вы меня извините, Полина, но можно все-таки начать и по возможности подробно рассказать, что здесь произошло? И что к настоящему времени известно?

Столь деловая интонация Ольховскую разозлила и задела. Она попыталась произнести в ответ что-нибудь убийственно дерзкое, но смешалась и вместо этого всего лишь усталым, потерянным голосом согласилась:

– Да-да, конечно... Я расскажу все, что знаю. Вот только знаю я, к сожалению, слишком мало. В общем, так: без пяти пять мне позвонила Оля...

Монолог Полины о событиях нынешнего вечера уложился в десять неполных минут, периодически прерываемых на виски и всхлипы.

– Фигово, что запись с камеры на входе не сохранилась, – подвел итог ее сбивчивому рассказу Козырев. – Была бы фотка «дарителя», хотя бы знали, кого искать.

– Да уж, здесь не повезло, – поддержала Катя. – Как же так получилось, что запись потёрлась?

– Я ведь уже говорила, – чуть раздраженно отреагировала Ольховская. – В тот момент, когда он входил в офис, как назло, скакнуло напряжение и вырубилось электричество. Буквально на полминуты-минуту. Но здесь, в Центре, такое часто случается: здание, сети – все старое, гнилое. Я с нашим компьютерщиком Николаем – Пашка должен его помнить – по этому поводу уже общалась. Он полдня сидел, что-то такое колдовал, но в итоге утренние записи восстановить все равно не удалось. Да и кто знал, что именно они-то и пригодятся?

– Как-то странно у вас система архивации данных налажена. Вообще-то, резервная копия в таких случаях по-любому должна сохраниться, – задумалась Востроилова. – Но паспортные данные этого человека охрана, надеюсь, срисовала?

– Срисовала. Уже пробili.

– И что?

– Числится в банке данных утерянных и похищенных паспортов, – упавшим голосом пояснила Ольховская.

– Н-да, ну и бардак у вас с кадрами в службе безопасности. Элементарную вещь, переkleенную фотографию, распознать не могут, – возмутилась Катя.

– Приедет Саныч, будет разбираться.

– Раньше надо было разбираться, а не когда «грянули впоследствии всякие хренации»...

– Да ладно тебе, Кать, – вступился Козырев. – Зато это лишний раз доказывает, что дарение Игорю эрмитажной чаши – чистой воды подстава. Причем заранее спланированная.

– Слабенький, между прочим, факт. Любой следователь вправе усомниться в этой истории. Ее запросто могли выдумать сотрудники охраны, чтобы выгородить своего шефа. Вот если бы у нас была видеозапись, на которой видно, как этот черт входит в здание с пакетом и букетом, плюс по времени это совпадает с регистрацией в журнале паспортных данных – был бы совсем другой расклад.

– Но ведь сохранилось изображение выхода из офиса! – напомнила Полина. – Правда, всего пара секунд, со спины и очень нерезко.

– В том-то и дело, что нерезко и со спины. Как тут опознаешь? К тому же выходил он с пустыми руками. Поди докажи, что это тот самый курьер, а не просто случайный посетитель.

Тут в дверь кабинета деликатно постучали, и в нее втиснулся «парень с самокруткой».

– Полина Валерьевна, извиняюсь, можно я отскочу минут на двадцать? С утра ничего не жрал.

– Сева, я и не знала, что ты еще здесь! Всё на сегодня. Немедленно поезжай домой, смотри времени сколько...

– А как же вы? Я сначала вас отвезу.

– Не надо, поезжай. Я сегодня здесь заночую, не хочу на квартиру возвращаться. Опять же Саныч с Анатолием могут прямо из аэропорта сюда податься.

– Так у них самолет только в десять утра. Раньше обеда они всяко никак...

– Все равно, Сева, мне здесь как-то спокойнее. Ты лучше Ольгу отвези, доставь прямо до дверей. Нечего ей на частных тратиться. Да и нам спокойней будет, мало ли что... Хорошо?

– Сделаю. Спокойной ночи, Полина Валерьевна.

– Да какой тут покой... – грустно усмехнулась Ольховская.

– Извините, – бесцеремонно вклинулась в их прощание Катерина. – А можно, пока Оля не уехала, кое-что у нее уточнить? Буквально пара вопросов, не больше.

– Да, конечно. Сева, будь любезен, позови.

– Оля, – обратилась Востроилова к вошедшей в кабинет секретарше, – не могла бы ты еще раз постараться вспомнить, как выглядел курьер, который в понедельник принес пакет с этим... мм... «подарком». Возраст, рост, цвет волос, прическа? Может, какие-то особые приметы? Речь, походка, непорядок в одежде?

– Даже не знаю, – растерянно задумалась Оля. – На вид – лет двадцать пять, весь такой...

Она попыталась изобразить какой именно.

– Спортивный? – прочитала язык жестов Катя.

– Ага, накачанный. Хотя... раз спортивный, то, может, и все тридцать... Рост как рост. Средний, наверное. По крайней мере не сказать, что высокий. Волосы темные. Стрижка – короткая такая, как сейчас все носят.

– Ну почему же все?... Вон у нашего Паши, смотри, какая шевелюра.

Секретарша скользнула взглядом, оценивая Козырева, и чуть разочарованно заметила:
– Я имела в виду тех, кто за модой следит. А не... Короче, не таких...

– Вот тебе и раз, Пашка, – невольно рассмеялась Ольховская. – А ведь я тебе всегда говорила...

На последней фразе она осеклась, вспомнив, чем, когда и при каких обстоятельствах закончилось это ее вырвавшееся «всегда» по отношению к Козыреву. Ухватив выражение ее лица и приплюсовав к нему столь бурную встречу, Востроилова догадалась, что Павла и Полину связывал отнюдь не только «экипаж машины боевой». Она до мельчайших подробностей восстановила в памяти картинку того, как Ольховская кинулась Пашке на шею, как он ее обнимал, как гладил по волосам, утешая. Восстановила, запомнила, но заострять внимание не стала и продолжила «допрос»:

– Оль, а курьер этот, как, по-твоему, он следит за модой только в плане прически? Или в нем было что-то такое еще?..

– Сейчас подумаю... Да, вы знаете, было. Я обратила внимание на его ботинки.

– На что?

– На ботинки. Понимаете... Он был одет очень просто: джинсы, футболка чуть ли не из секунд-хенда. А вот шузы, в смысле ботинки – «лакостовские», кожаные, на толстой подошве. Фирменные, очень дорогие ботинки.

– Молодец, Оля, ты очень наблюдательный человек, – похвалила секретаршу Востроилова. – Ты замужем?

– Нет, а что?

– Просто практика показывает, что лучше всего запоминают самые, казалось бы, абсолютно неброские приметы молодых мужчин именно незамужние девушки.

– Да ну, скажете тоже... – оскорбилась Оля. – Он мне ни капельки не понравился. Знаете, как страшно он на меня зыркнул, едва вошел в приемную? Вот честное слово, я аж мурашками покрылась. А потом еще раз, когда у него телефон зазвонил. А у меня – радио на полную катушку. Я...

– Подожди, ты сказала – мобильник? – перебила Востроилова. – Где он его хранил? В чехле, на поясе, в кармане? Ты случайно не обратила внимание на модель?

– У него была такая черная кожаная сумочка, на брючный ремень цепляется. А вот модель не разглядела. Видела только, что «раскладушка».

– Сколько времени он говорил? О чем?.. Вспомни, Оля, это очень важно.

– Да он толком и не поговорил. Когда у него звонок раздался... А сигнал стандартный такой, «старый телефон», знаете?

– Да-да, конечно, продолжай.

– Я из вежливости сразу звук убавила. Вот тогда он второй раз злобно и посмотрел. А по телефону сказал, что сейчас очень занят, говорить не может, перезвонит позже. И все. Пара секунд, не больше.

– Умничка, Оленька. И последний вопрос: если ты сейчас вспомнишь... Да, ты обычно какую радиостанцию слушаешь?

– «Радио Рокс».

– Класс, я тоже. И в тот день ее слушала?

– Ага.

– Так вот, если ты вспомнишь, какая песня играла, когда у курьера зазвонил телефон, то мы будем ходатайствовать перед Полиной Валерьевной, чтобы тебе выписали премию за отличную работу. Попытайся, это очень важно. Хотя бы приблизительно.

– Я и так прекрасно помню. Это был Гэри Мур, «Парижские прогулки». Обожаю эту вещь... Когда началась, я специально сделала звук погромче, а тут как раз этот ввалился.

А потом – телефон. Я еще когда убавляла, подумала: блин, не вовремя приперся, весь кайф обломал.

– Гениально! Полина Валерьевна, пометьте у себя по поводу премии.

– Не нужно мне никакой премии, – возмутилась Оля. – Да если бы я знала, что он... что этот гад, Игорю Михайловичу... такое... – Тут ее губы предательски задрожали, и она разрыдалась.

– Ну все-все, Оленька, не надо плакать, все будет хорошо, – обняла ее за плечи Ольховская. – Пойдем, сейчас тебя Сева домой отвезет, а завтра можешь отоспаться и прийти на работу попозже. Все равно я здесь остаюсь. Так что с утра сама немножко поразруливаю.

Полина вывела рыдающую секретаршу в приемную и, сдав ее на руки Севе, вернулась к ребятам и посмотрела вопросительно. В первую очередь на Катю.

– А жизнь-то налаживается... Все не так уж скверно, как казалось. Похоже, есть шанс установить этого курьера, – отозвалась та на ее немой вопрос.

– Каким образом? – не врубился Козырев. – Знаешь, сколько в Москве желтых ботинок?

– Паш, ты фильм «Враг государства» смотрел? – пропустила мимо ушей его иронию Востроилова.

– Нет, как-то не сложилось. А что?

– При случае посмотри обязательно. С позиций драматургии фильм, конечно, полное фуфло. Тем не менее некоторые, сугубо технологические, моменты в нем показаны с большой степенью достоверности. В общем, в нашем случае схема действия примерно идентична. С теми исходными данными, которые сообщила Оля, вполне можно попробовать установить трубку курьера.

– Это как?

– Не буду вдаваться в детали, только самая суть: у нас есть точное место входящего звонка, точная дата, временной интервал и продолжительность разговора. Плюс «раскладушка». Это тоже важно, поскольку существенно сужает модельный ряд. Мужских моделей «раскладушек» на порядок меньше, нежели женских.

– Класс! – восхитился Паша. – И ваша служба может все это вытянуть?

– Наша служба может, – помрачнела Катя. – Но ты же знаешь, что инициировать и грамотно обставить подобное задание легальным путем, в принципе, реально, но... труднодостижимо. А проводить это дело как личный сыск не прокатит – масштаб не тот...

– И что теперь делать? – испуганно спросила Полина.

– Мне почему-то кажется, что такую комбинацию эффективней организовывать через вашего всемогущего Саню. У него наверняка есть свои выходы на сотовые компании. Да и неформальные контакты с людьми из нашей службы, зуб даю, тоже имеются. В общем, одно дело – шпицштихель и совсем другое – больштихель.

– Ясен пень, – подтвердил Козырев. – Полин, помнишь, как он тогда буквально за пять минут договорился поставить прослушку на того урода, на Моромова?

Ольховская рассеянно кивнула. Переизбыток свалившейся на нее информации вкупе с изрядным количеством выпитого спиртного тяжким грузом ухнулись на стресс сегодняшнего дня. Так что голова ее сейчас была близка к состоянию отключки. Внимательно всмотревшись, Катя догадалась о чем-то подобном, а потому осторожно намекнула:

– Все, народ, большего наш с вами мозговой штурм сегодня родить не сможет. Цель мы определили. Завтра вернется ваш Санюх и займется установлением трубки.

– А Некрасов? – очнувшись, напомнила Полина.

– Ох, ребята, а вот здесь я – пас, – честно призналась Востроилова. – Что касается железа, мобильной связи, компьютеров – это еще куда ни шло, но в этой части... Оперативные комбинации, махинации, хренации – я в этом ни бум-бум. Да и знакомых у меня в Главке

не особо: все больше заказчики, да и с теми... Дальше приглашения кофе выпить да шоколадок взяточных за «по возможности, вне очереди» как-то не складывалось. А у тебя, Паш?

– Издеваешься? Какие у рядовых «грузчиков» контакты с гласниками? Так... Привет-привет, пока-пока, разрешите выполнять.

– Пашка! – вспомнила Ольховская. – А помнишь того парня, из розыскного? Который с Нестеровым дружил? Он вроде нормальный парень, вменяемый. Может, как-то через него попробовать?

– Блин, точно! Леха Серпухов! Это ты правильно вспомнила. Леха – наш человек. Где-то дома у меня были его телефоны. Вернусь, попробую найти. Может, и подсветит что про эту крысу. И еще, Полин, а как это мы про Лямку забыли? У него ведь там, в штабах, связей поболее будет. Надо и его подтянуть. Уж мы бы, да сообщаем...

– Нет, – сказала, как отрезала, Полина. Зло так сказала, будто проклиная. – Лямку мы никуда подтягивать не будем.

– Почему?

– Не будем, и все.

– ?!

– Паш, – уже открытым текстом попросила Катя. Она ничего не поняла «за Лямку», но сообразила, что если сейчас бывшие коллеги начнут выяснять отношения, то первую зорьку здесь, на Итальянской, они всяко встретят. – Посадишь меня в машину? А то скоро мосты того, вот-вот...

– Да-да, конечно, – спохватился Козырев. – Полин, ты как, в порядке? Мы с Катей, наверное, двинем, а?

Ольховская молча кивнула, ревниво отметив про себя, что ее «вещь», похоже, отныне ей действительно больше не принадлежит.

* * *

Распровавшись с Ольховской, Павел и Катя покинули душный, вконец прокуренный ладонинский кабинет и, миновав темный холл и серпантин переходов, спустились на вахту, где разбудили подремывающего охранника. «Что и требовалось доказать, – проворчала Катя. – Что б ни случилось, им все – божья роса». Они с облегчением вышли на Итальянскую и всеми легкими жадно хватили ночного бодрящего питерского воздуха.

– Ну что, будем ловить машину? – спросил Козырев, когда они завернули на неправдоподобно пустынный в эту пору Невский.

– А сам потом как?

– Да мне на Лиговку пешочком минут двадцать – двадцать пять. Добегу.

– А можно... Можно мне с тобой? – осторожно спросила Катя.

– В смысле?

– Господи, лыщарь, какой ты все-таки тугодум! Объясняю по слогам: я хо-чу на-просить-ся но-че-вать к тебе. Теперь понятно, балда?..

Когда в полной темноте, скрипя, казалось, бесконечными коридорными половицами, они нащупали наконец вход в козыревскую берлогу и, войдя в комнату, включили ночник, первой реакцией девушки стал сдавленный смешок. Обстановка козыревского жилища один в один совпадала с интерьером номера в пансионате «Зорька», куда маленькую Востроилову, страдавшую астмой, мама ежегодно вывозила подышать сосновым воздухом. Здесь имелись диван, заботливо одетый в совдеповское одеяло, огромная обшарпанная тумба, на которой стоял самый натуральный телевизор «Спутник», еще одна тумба, выполняющая функции

комода, и скособоченный стул. Довершали картину обои. Когда-то были белыми в розочках, а теперь стали бежевыми.

Катя присела на диван и легонько подпрыгнула. Словно тем самым пыталась вернуть обратно разом пропавшую легкость, с которой она предложила прийти сюда. Паша какое-то время неловко переминался в дверях, но потом, решившись, присел рядом. В эту минуту ему очень хотелось взять Катю за руку, а еще сильнее – погладить по мягким рыжим волосам. Но вместо этого он поднялся и зачем-то нажал кнопку телевизора. На экране появился снег: судя по всему, последний на сегодня спутник над лиговской слободкой уже пролетел. Пару минут они словно играли в пару Алентова– Баталов из «Москва слезам не верит», а потом выключили «снегопад» и, не сговариваясь, стали раскидывать диван. Совершали это нехитрое дело нарочито медленно. Наконец, расправив все до единой складочки на шерстяном одеяле, снова присели на краешек. Говорить не хотелось. Казалось, оба прокручивают в голове пути отступления.

Через некоторое время Востроилова решила и неловко заерзала на диване.

– Что-то не так? – забеспокоился Козырев.

– Да спина болит, – смущенно улыбнулась девушка. – Сам знаешь, это у нас профессиональное. От долгого сидения на попе ровно.

– Может, сделать тебе массаж? – неожиданно смело предложил Паша.

– Давай, – ее ответ задержался разве что на пару-тройку секунд.

Востроилова легко стянула с себя кофточку и небрежно отбросила на старенький стул – судя по его внешнему виду, предметы девичьего туалета были максимальным весом, который тот мог принять на себя и при этом не рассыпаться. К некоторому огорчению Паши, вслед за кофточкой более ничего в полет не отправилось: не снимая юбки и бюстгалтера, Катя просто легла на диван, перекатившись на живот. Козырев примостился было рядом, но, поняв, что в сложившейся ситуации это и неудобно, и попросту глупо, осторожно сел ей на бедра, после чего аккуратно, чуть дрожащими пальцами разъединил два маленьких крючочка, отделяющих от полного контакта с кожей.

Сначала он аккуратно, одними кончиками пальцев, осторожно обследовал каждый изгиб ее шеи, потом прошелся ладонями по лопаткам, пересчитал легкими прикосновениями каждый позвоночек, слегка помял бугорки на талии и снова предпринял путешествие наверх. Паше казалось, что меж пальцев течет шелк ее кожи. Ему даже привиделся запах нежно-персикового цвета, хотя до этого момента он и предположить не мог, что у цветов, оказывается, есть запахи... Осторожные перебежки вверх-вниз все больше распалили его, и он мог поклясться, что Катерина испытывала схожее чувство. По крайней мере ее тело потихонечку стало трепетать под его руками. И вот когда Козырев интуитивно почувствовал, что она вот-вот перевернется на спину и тогда...

И тогда у Кати мелодией Корнелюка из «Бандитского Петербурга» напомнил о себе мобильный телефон. Девушка ужом выскользнула из-под Паши и бросилась к сумке, оставив на одеяле ажурный элемент нижнего белья.

– Да... Нет-нет, могу говорить... Хорошо... Сейчас достану ручку, запишу. – Востроилова принялась судорожно рыться в сумочке, из которой на потертый ковер посыпались заколка для волос, пудреница, помада, солнечные очки, несколько смятых, будто пожеванных бумажек. Наконец из нее вылетел искомый карандаш.

Паша смотрел на этот карандаш со стертой до основания резинкой на хвостике, на Катю, которая одной рукой пыталась примостить на голой коленке обрывок листка, а другой прикрывала рукой грудь, и не сдержался. Сначала он тихонько хихикнул, а затем и вовсе стал неприлично хохотать. Катя, которой в этот момент на другом конце трубки продолжали бубнить про «неопытную молодость и язвительный опыт старших коллег», укоризненно на него посмотрела, но тут и сама поняла, как нелепо она смотрится на этом ковре, посреди

разбросанных дамских штучек, с зажатой голым плечом трубкой и огрызком карандаша, и тоже заулыбалась. Невидимый голос Смолова (а кто еще мог столь бесцеремонно вторгнуться в ее жизнь в столь поздний час?) ни о чем подобном не догадывался и продолжал вещать о том, как «устроен этот мир», а Востроилова смотрела на растрепанного и раскрасневшегося от желания Пашку и завелась сама. Ни эта дурацкая комната, ни прежний стул, ни смысл доносящихся извне фраз Смолова уже не имели ни малейшего значения. Катя скоренько записала продиктованные начальником вводные на завтра, быстро попрощалась, отключилась и уже в открытую захохотала. Козырев прыгнул с дивана, подхватил ее на руки, начал кружить по комнате, а потом, устав держать, осторожно положил на постель и поцеловал. От этого страстного поцелуя внутри у Кати все будто перевернулось. Ей стало трудно дышать, и, с трудом расставшись с Пашиными губами, она чуть отстранилась от него и мотнула головой, будто пытаясь прогнать морок.

– Что? – недоуменно спросил Козырев. Но, заглянув в ее глаза, сразу отогнал любые сомнения – столько в них было тепла и света. Паша тихонько поцеловал ее снова, и теперь уже Катя сама потянулась к нему. Как цветок к воде. Он понял, что теперь можно все, и смело стянул с нее юбку. Вслед за ней на пол полетели его рубашка и джинсы...

Через пару часов, когда они, вконец обессиленные, все-таки утомонились, Катерина... нет, теперь уже Катюша, своя, родная... сладко посапывала, примостившись в районе козыревской подмышки. Стараясь не разбудить, Паша осторожно выбрался из-под одеяла, зачем-то натянул джинсы, достал сигарету и, затянувшись, стал смотреть на спящую девушку. Похоже, ей снилось что-то очень хорошее. По крайней мере за то время, пока сигарета была скурена до фильтра, она несколько раз улыбнулась во сне.

В этот момент Козырев вспомнил свою единственную ночь с Полиной. До сих пор воспоминания об этой странной ночи всякий раз кололи его, словно иголкой. Он не мог понять умом, но чувствовал, что их скоропалительная близость не была ночью любви в полном смысле этого слова. Ольховская отдала ему лишь свое тело, душой же явно пребывала совсем в другом измерении. Помнится, он очень долго и болезненно ощущал тогда свое мужское поражение, при этом так и не поняв сути произошедшего. Полина словно завожила его второпях, так и не подарив после этого свободы. А ведь любовь – это и есть свобода. Он понял это только сейчас, в этот самый момент. Понял раз и навсегда. Теперь Козырев мог с уверенностью сказать, что, даже если бы Катя сейчас встала и ушла, он все равно остался бы свободен в своей любви к ней. Его никогда особо не занимали вопросы философского толка, но сейчас, докурив сигарету, он почувствовал, что и такой любви ему будет достаточно. И что теперь она, его любовь, уже не зависит от того, будет ли продолжать испытывать к нему схожие чувства Катя-Катюша...

Снова укладываясь, он загадал, что если в их отношениях все останется так же здорово, как сейчас, то зимой он обязательно отвезет ее на старенькую родительскую дачу в Сосново. Он положит ее на тахту, укроет меховым спальником, затопит печь, сварит глинтвейн. А утром выдаст Кате безразмерные валенки, и они станут носиться меж заснеженных сосен и играть в снежки... А потом, покрасневшись от мороза, она упадет в сугроб и будет учить его делать на снегу ангела. А он, пытаясь поднять ее из сугроба, упадет в него же... А потом будет долго отогревать ее, они заберутся в постель и примутся до самозабвения заниматься любовью. А потом... А потом Козырев уснул.

Без четверти восемь на мобильнике Кати подал голос будильник. Она долго пыталась нащупать его на привычном месте у изголовья, но вместо этого наткнулась на Пашу и улыбнулась. Они пили холодный кофе, который из-за беспристанных поцелуев дважды безнадежно остыл. Затем дружно искали Катину расческу, непонятно как завалившуюся за диван.

Наконец, когда, слегка помятые после бурной ночи и непривычно активного утра, оба были готовы к трудовым подвигам, они долго стояли у порога обнявшись, не решаясь открыть дверь в немножечко другую отныне жизнь. Хотя и с сожалением, но в какой-то момент они все-таки отлепились друг от друга. Паша открыл дверь, и они, взявшись за руки, вышли.

Как Козырев ни шифровался, ни подстраховывался, но покинуть квартиру незамеченными не удалось: «Питерские коммуналки – CONNECTING PEOPLE!» Сперва в коридоре они наткнулись на соседа Фаруха, который проводил их чуть насмешливым, но в то же время похотливым взглядом. А после, проходя мимо «общаковой» кухни, нос к носу столкнулись с Михалевой. Та церемонно несла в свою каморку свежедымящуюся овсянку – традиционную утреннюю пищу богов и аристократов.

– Доброе утро, Людмила Васильевна, – проямлил Паша, покраснев до самых кончиков ушей.

– Здрасьте, – вслед за ним смущенно кивнула Катерина.

Михалева внимательно, неприлично внимательно осмотрела Востроилову, что называется, с ног до головы, тем самым вогнав в краску и ее, а затем как ни в чем не бывало предложила:

– Оттрапезничать не желаете, молодежь?

– Нет, спасибо, – решительно замотала головами молодежь.

А Козырев добавил:

– Извините, Людмила Васильевна, мы уже того... В общем, сытые.

– Да я уж поняла, – усмехнулась Михалева и, сделав на прощание ручкой, прогарцевала в свою комнату. «В нумера», как она ее называла.

«Слава Богу, – подумала соседка, выкладывая кашу в изящную сервизную фарфоровую тарелку „от Попова“. – Наконец-то у Пашки девочка появилась. Кстати, миленькая и, похоже, не из этих, из современных, которые из „Дома-2“. Вот и хорошо. А то уж думала, так ноги и протяну, напоследок на свадьбе не погулявши».

Людмила Васильевна улыбнулась своим мыслям и мгновенно простила «молодежь» за сегодняшнюю бессонную ночь. Вернее, за те полночи, в которые она никак не могла уснуть по причине нескончаемых ахов и охов, раздававшихся за стенкой.

«А Пашка-то наш – мужик, – не без гордости подумалось Михалевой. – Как он ее, а!.. Эммануэль всяко отдыхает!»

– ...Тебе куда? На трамвай или в метро?

– Ой, – Катя посмотрела на часы, – на самом деле мне лучше всего на тачку. Опаздываю капитально, опять от Смолова достанется.

– У меня есть немного денег... – принялся рыться в карманах Козырев.

– Брось, пригодятся еще, – остановила его Катерина. – Я вчера у Лерки долг забрала, так что могу себе позволить эдакий шик. Хотя, согласись, ездить на работу на частнике – это пошло.

– Ага, – подтвердил Козырев, которому подобное трудно было даже представить.

– Может, тебя по ходу подбросить?

– Нет, спасибо, я прогуляюсь немного. У меня времени до десяти еще вагон и малая тележка. У нас сегодня учебный день.

– А это что за зверь?

– Да так, моделируем практику, а потом, на общем разборе, подгоняем под нее теорию. В общем, фигней страдаем. Типа, совершенствуем профессионализм и оттачиваем мастерство.

– Богато живете. У нас в Управлении часов на такие игрушки не предусмотрено.

– Да и правильно, все равно не в коня корм. Кать!..

– Что?
– Спасибо тебе.
– За?..
– Ну... За всё. За помощь по Игорю. Если бы не ты...
– А-а... – разочарованно протянула Востроилова.
– Вообще, за все... – понимая, что сморозил глупость, поспешил исправиться Козырев. – Особенно за эту ночь.
– Балда, – чмокнула его в щеку Катя. – За ЭТО – не благодарят!
– А можно я тебе вечером позвоню?
– Дважды – балда! Да если ты этого не сделаешь, я тебя сама найду. И только попробуй не найтись! Мы, с нашими возможностями, тебя на дне морском...
– Это твое заднее слово? – улыбнулся Паша.
– Заднее не бывает! Все, я побежала. – Наградив Козырева прощальным «чмоком», Востроилова нырнула в подземный переход.

* * *

На этот раз учебный день выдался по-настоящему «практическим». А все потому, что учебным объектом руководство назначило Эдика Каргина. Уж он-то и дал трем специальным приказом освобожденным ради теоретических занятий экипажам просрать. И, будем откровенны: такого на своем веку они еще не видали.

Вдохновленный, не связанный путами заданий Эдик вертелся как ужик на юру: он то уходил «товарными», то менял экипировочку в самых не приспособленных к тому местах. То замедлял бег, а затем ни с того ни с сего ускорял. Упиваясь свободой, Каргин, согласно предписанию, походя совершал малозначащие покупки и тут же, не дожидаясь подхода «грузчиков», заглывал чек. Резко, на сто восемьдесят градусов, он менял маршрут, срубая не успевших поменять легенду «чайников», он... Короче, Эдик играл роль. И роль эта ему безумно нравилась, ибо в этой роли, примерив на себя шкуру объекта, он условно жил и условно получал настоящий кайф. И пускай это была всего лишь игра – Каргин, в отличие от молодняка, играл в нее по-настоящему. Когда еще предвидится подобный случай?..

После такого экстремального драйва руководство отдела, которому ничто человеческое не чуждо, врубило паузу. Подчиненный народ, выдохнув, принялся судорожно отпихиваться, курить, есть, пить... Короче, переводить дыхание. Но тут неожиданно на учения прибыл начальник отдела Нечаев, и всех условно оставшихся в живых спешно собрали в актовом зале – прослушать лекцию и разобрать полеты.

Козырев сидел в самом козырном, наиболее удаленном от президиума ряду. В какой-то момент он стал близок к состоянию безмятежного сна, когда вдруг в полной тишине, нахально, с вызовом, зазвучал его мобильник. На экранчике немедленно высветился позывной «Катюша».

– Я же просил всех отключить мобильные! – раздраженно поморщился с кафедры Нечаев.

– Василь Палыч, это из гаража, по поводу машины. Которая в ремонте, – мгновенно нашелся Паша.

Случайная импровизация прокатила. Начальник отдела сменил гнев на милость и царственно разрешил:

– Ладно, узнай, что этим лихоимцам нужно. Только выйди из зала, не мешай народу внимать.

Наивная простота! Собравшийся народ уже минут двадцать как потерял всяческую способность «внимать». Но с автотранспортом, а точнее, с его техническим состоянием,

ныне и вправду наблюдалась полная засада. Немудрено, что ревностно относящийся к теоретическим посиделкам Василь Петрович, тем не менее, благословил Козырева на временное отсутствие.

Паша спешно вышел из актового зала и нажал кнопку ответа:

– Катюш, ты?! Что-то срочное?! Говори скорее, а то у нас заседание малого хурала в полном разгаре!

– Да у меня, собственно, особо не горит. Это, скорее, в ваших интересах.

– В смысле?

– У нас через полтора часа объезд. Я сижу, готовлюсь, оформляю под заказчиков сводки ПТП. В одну случайно вчиталась. Начинаю невольно ржать в полный голос. Рядом Смолдов: подходит, забирает, вчитывается – ржет на десяток децибелов громче. Отсмеявшись, говорит: «Не знаю, что это было на самом деле, но по стилю – похоже, наружка с глузду зыхала». Дескать, если так, то пистон им вставят неслабый, с кумулятивным зарядом. Потом шефа вызвали в «техничку», а я на всякий случай решила тебе перезвонить, уточнить.

– Кать, так в чем прикол-то?

– Сейчас, погоди, найду... Вот, дословно зачитываю сводку. Запись телефонного разговора недельной давности. Объект: «...Сижу дома, гляжу в окно, проверяю, чтобы хвоста не было, так как надо встретиться с приятелем. Вижу: в припаркованной метрах в десяти от подъезда тачке сидит чувак, и чего-то у него блестит между ног, солнечные зайчики пускает. Присмотрелся – твою мать, ятаган! Во, думаю, придурок какой-то! Но точно не мент, там таких не держат... Вроде все спокойно, оделся, вышел из дому. Только отошел от подъезда, из машины выходит этот идиот с ятаганом, в кольчуге и латах, и за мной. При этом дистанцию, гад, держит. Решил я от греха провериться, сворачиваю в очередной двор – он за мной. Я в следующий – он туда же. Перехожу на легкий бег, а этот идиот не отстает. Бегу, пыхчу, а эта сволочь, ко всему прочему, еще и чем-то металлическим гремит. Выбегаю на улицу, прибавляю темп, а он за мной, не отвязывается... Я уж подумал, что из вражеской грядки ниндзю для моего убийства наняли... Вспомнил, как бегал стометровку в школе, на ходу оборачиваюсь, а этот не только не отстает, но и ятаган свой на вытянутой руке над головой держит...»

– Стоп, Катюш, дальше не надо! – Паша вспомнил недавний рассказ бригадира. – Вы с шефом правильно подумали – это наше чудовище.

– И что мне теперь с этим делать? В авторском виде и отправлять?

– Погоди, родная! В авторском, скорее всего, лучше не надо. Во сколько, говоришь, у вас объезд?

– В четыре.

– Кать, ровно через двадцать минут мы будем у тебя. Только пока ничего не печатавай и не секреть, ладно? Очень тебя прошу!

– Хорошо, пока не буду. Вот только в нашем учреждении лишний раз светиться не стоит. Сделаем так: я буду ждать тебя в Таврическом саду. Только не очень долго, минут десять – пятнадцать, не более. Устроит? Если позже, сам понимаешь...

– Всё, Катюш! Лечу. Вернее, летим. Кстати, а где в Таврическом?

– У взбледнувшего Есенина. Знаешь, где это?

– Знаю. Все, Кать, едем. Спасибо тебе...

Козырев метнулся к дверям актового зала, приоткрыл массивную дубовую дверь и, выпевив взглядом Пасечника, стал демонстрировать ему мимические призывные знаки. Григорьич долго не врубался в Пашину жестикуляцию, но через какое-то время, из чистого любопытства приподнялся и, стараясь особо не привлекать внимания трибун, стал пробираться на выход.

Покинув зал и плотно закрыв за собой двери, Пасечник изумленно воззрился на Пашу:

– Ты чего, братка?

После того, как братка в двух словах объяснил ему суть ситуации, Григорьич тяжело выдохнул и рубанул рукой воздух:

– Поехали! Времени в обрез! Кстати, баба эта, она точно... того? Без динамо?

– Наш человек, – твердо успокоил Паша. – Вот только... как же «разбор полетов»?

– Да пошел он! Это – сейчас важнее! Да ты не дрейфь, Козырь, от этой блевотины я тебя по-любому отмажу. А если там выгорит, с меня... Блин, даже не знаю что, ибо я, Пашка, в этой жизни очень мало что могу. Но в любом случае «не уйдешь обиженным». Это точно...

«...Короче, понимаю, что вот она, моя смерть приходит. Решил – будь что будет, и побежал обратно к дому, а ниндзя хренов не отстаёт, здоровый, видать, лосяра. Заскакиваю в квартиру, из тайника вытаскиваю ствол. Понимаю, что кольчугу может не взять, из-за шкафа достаю автомат и все обоймы, готовлюсь отражать нападение, и так, знаешь, очень аккуратно выглядываю в окно. И что же вижу? Этот идиот с ятаганом возвращается обратно и как ни в чем не бывало садится в машину... Вот теперь уже несколько дней гадаю – типа, что это было?»

Пасечник дочитал сводку до конца и молча возвратил казенную бумагу Екатерине. Он закурил, поднялся со скамейки и принялся нервно рассказывать взад-вперед. Наконец решился:

– Екатерина Михайловна, скажите, а это весь разговор, целиком? Или...

– Нет, я дала вам прочесть только один кусок – монолог объекта. Хотя он, как вы могли заметить, достаточно большой и эмоциональный. Затем они говорили о делах, но эти подробности к вашей истории не имеют никакого отношения.

– Да-да, все правильно, я вас очень хорошо понимаю. А скажите, Екатерина Михайловна, э-э... – Пасечник замаялся. Выражение его лица приобрело страдальчески-комичный вид.

– Что сказать-то? – попробовала уточнить Востроилова.

– Катя, – взял инициативу на себя Козырев. – Николай Григорьич хочет спросить: нельзя как-то подрихтовать-подсократить эту сводку? Исключительно в части монолога объекта? А еще лучшее, того... В общем... э-э... – Теперь пришел черед смутиться уже самому Паше.

– А еще лучше – просто вырезать? В части монолога объекта? – закончила его мысль Катя.

– Точно, – облегченно выдохнули «грузчики» и с плохо скрываемой надеждой посмотрели на догадливую девушку.

– Но только если это не создаст для вас серьезных хлопот в будущем, – добавил Пасечник. – Нам с Пашей совсем не хочется вас подставлять. Более того, признаюсь честно: если бы с подобной просьбой обратились ко мне, не готов сказать однозначно – пошел бы я на подобное или нет. Ну так что? Каков будет ваш положительно-отрицательный ответ?..

Востроилова задумалась, а потом, тряхнув рыжей челкой, улыбнулась:

– Мой положительно-отрицательный ответ будет положительным. Раз такое дело, будем резать – не дожидаясь перитонита.

– Паша, она святая! Позвольте ручку.

Катя, смеясь, позволила.

– Уважаемая Екатерина Михайловна, в свою очередь позвольте вас заверить нам... Позвольте нам заверить вас... Короче, в любое время дня и ночи, в любое время года, наш позывной настроен на вашу волну. И случись какая в вас у нас... вернее, в нас у вас необходимость... Любая просьба, любое желание.

– Так уж и любая?

– Абсолютно, – в запальчивости подтвердил бригадир. – Вот, к примеру, есть у вас сейчас какое-нибудь желание, просьба?

– Есть.

– С трепетом внимаю.

– Хорошо, вот вам мое первое желание. Мне страшно хочется увидеть эту рыцарскую историю глазами другой стороны. Так что жду от вас пусть и не столь большого, но не менее эмоционального монолога. На тему: «Как это было».

– А стоит ли? – поморщился Пасечник. – И так понятно, что идиота сваяли. Чего уж теперь...

– Ну вот, а ведь только что кто-то заявлял: любое желание, в любое время... Поздравляю вас, гражданин, соврамши.

– Ох, да что там рассказывать? В общем, было дело под Полтавой. И дело было так: сижу я в машине соседнего экипажа. С их бригадиром за жизнь гутарю. Мои, соответственно, во дворе сигнализаторами выхода работают. Слышу, по станции дают тональными команду на выход объекта из адреса. Я, помнится, еще подумал: надо Ваське, «рыцарю» нашему, напомнить, чтобы не дергался, если движение начнется. Но потом решил: шут с ним, не маленький, и так все поймет. Оказалось – ни фиги. Запрашиваю «колеса» на предмет, кто из грузчиков потащил объект, и слышу, что наш «рыцарь». И вот тогда я понял, что это все, полный... – Пасечник деликатно запнулся и кашлянул.

– Полный провал? – подсказала Катя.

– Точно, он самый. Провал и есть. Выбегаю из машины, на ходу запрашиваю подмену нормальным «грузчиком», а сам пытаюсь сорентироваться в пространстве – объект в такой «достоевщине» живет!.. Короче, «грузчиков» надо навести. Не всю же бригаду тянуть на замену – в первую очередь тех, кто был в одной машине с «рыцарем». Вот их и запрашиваю, а они, сволочи, в ответ в эфир только хрюкают, как свиньи. Им, как потом выяснилось, было очень смешно наблюдать со стороны за этой клоунадой. Реалити-шоу, мля... Тогда запрашиваю самого Ваську, а он, гад, тоже молчит. У него, оказывается, микрофон под кольчугой провалился, так металл на металл замкнулся, и все – п...

– Опять провал?

– Точно, провал спецтехники. Пока бегу, станция у меня у самого пару раз завязкой пошла, а затем на вообще непрерывный тональный, так что пришлось остаток двора «глухим» бегать. Цирк, да и только. Кстати, вас не смущает мой профессиональный жаргон? Привычка, знаете ли...

– Нет-нет, все в порядке, – успокоила его Востроилова. – Я, как это говорят... нормально догоняю.

– Короче, – продолжил Пасечник, – пока я в конце концов сорентировался, вбегаю во двор и вижу, как Васька обратно в машину садится. Я подбегаю и уже в голос им кричу – какая уж тут, на хрен, конспирация и маскировка! – «Где объект?» А «рыцарь» мне в ответ: «Дома уже!» – а сам пыхтит, как паровоз. На молодняк смотрю, а те от смеха никак отойти не могут. Я пытаюсь в уме восстановить всю картину, но от своих догадок только в ужас прихожу. В общем, как представил, что здесь было, так чуть Ваську его же собственным мечом и не убил. Представляешь картинку?

– Нет, не представляю, – с трудом выдавила из себя Востроилова. Слушая бригадира, они с Пашей разве что по траве не катались от хохота.

– Вам бы только ржать, – сварливо заметил Пасечник, глядя на веселящуюся молодежь. – А между прочим, это еще не конец истории. Вы даже не представляете, какую потом комбинацию пришлось провернуть, чтобы наши «колеса» с «рыцарем» на первой

парте на нормальную машину поменять. Притом что объект все это время наблюдал за нами из окна. Правда, до конца смены он так из дома и не вышел. Вот что обидно.

– Все, народ, – утирая слезы (они ведь, слезы-то, не от одних только несчастий приключаются), подвела черту Востроилова. – Мне пора. Надо успеть ваш косяк грамотно порезать. Хотя, по мне, так: такое не резать, такое отдельной книжкой издавать нужно. В общем, рада была познакомиться. И спасибо за доставленное удовольствие. Паш, будет время, звякни вечерком...

– Обязательно, могла бы и не напоминать, – подорвался со скамейки Козырев. Он сделал было движение к прощальному поцелую, но, вспомнив про Пасечника, поостерегся.

Катерина его смущение поняла и тему бурного любовного прощания педалировать не стала. Просто сделала «грузчиком» ручкой и, зацокав каблучками по гравию, удалилась.

– Славная девочка, – проводил ее взглядом Пасечник. – Где ухватил такую?

– Знаю я, есть края, – уклончиво ответил Козырев, – походи, поищи-ка попробуй.

– Во-во, э-т точно. Ты ее, Козырь, того, не забижай. Правильная девка. Даже не думал, что такие на белом свете еще водятся. По крайней мере в наших широтах. Посему заканчивай-ка ты эти тити-мити с Лебедевой. При такой-то королевне.

– Не понял, Григорьич, ты на что намекаешь?

– Да тут и намекать нечего. Вся «контора» знает, что ты Светку регулярно того... в смысле, дерешь.

– Что за бред? – картинно возмутился Паша. – Кто тебе такое сказал?

– Да она сама же и сказала. Причем не только мне одному, – усмехнулся Пасечник и игриво напел: – Кудри выются, кудри выются, кудри выются у блудей. Отчего ж они не выются у порядочных людей...

«Ни фиги себе! – удивился Козырев. – Никогда бы не подумал, что Пасечник знаком с творчеством Хвоста... Но он прав – со Светкой надо как-то аккуратно сворачивать. Еще не хватало, чтобы Катя что-то такое узнала-услышала. Отсюда резюме: со своими, по возможности, надо ее поменьше сводить. А то сболтнут невзначай, хотя бы и не со зла, потом поди – объясни».

* * *

По возвращении в «контору» Паша ненароком сошелся параллельными курсами с Каргиным. Он попытался привязаться к местности и уклониться от встречи, однако Эдик сам пошел на таран:

– Где тебя черти носили? Нечаев дважды интересовался.

– Эдик, вот честное слово, с этими вопросами лучше к Пасечнику. Он тебе все подробно объяснит.

– Хорошо, за подробностями пойду к нему. Причем перво-наперво заставлю дыхнуть. А если коротенько?

– А если коротенько – мы с Григорьичем спасали галактику.

– Надеюсь, успешно?

– Да вроде бы спаслась.

– Уже неплохо. Слушай, ты с Полиной Ольховской давно общался?

– Давненько, – слукавил Паша и тут же поинтересовался: – А что?

– Да просто Нечаев мне сейчас рассказал, что, оказывается, хахаля ее, Ладонина... Знаешь?

– Слышал что-то такое... – насторожился Козырев. – И чего с хахалем?

– Задержали его вчера, оказывается. Вроде как проверяют на причастность к эрмитажным делам. Прикинь расклад?!

- А чего мне тут прикидывать?
- Да я, в общем-то, так. Просто вспомнил, вроде нравилась тебе эта девка.
- Мне много кто нравился, – ошетинился Паша. – И что теперь?
- Да ничего. Чего ты сразу бычишь? Я к тому, что как-то странно все в этой жизни случается. Одно за одним. Сначала это, потом...
- А что – «потом»?
- Да я только что в дежурке был. Так, от нечего делать, по ИЦ почасовки полистал.
- И?..
- Ладонин этот, он же в «Российском слитке»?
- Вроде как. И чего?
- Два часа назад на Пулковском шоссе ДТП случилось. Хотя... Может, и подстава, кто ж знает?
- Так что случилось-то?
- Да там у «Ауди», которая за «Российским слитком» числится, на полном ходу правое переднее оторвалось. Ну и... Короче, с соответствующими выводами. Пассажир, вроде как ладонинский адвокат, насмерть. Водитель, он же начальник ладонинской СБ...
- Саныч? – невольно вырвалось у Козырева.
- Кто? Ах, ну да, инициалы «А. А.». Возможно, что и Александрович. Водила – в реанимации. За ними машина сопровождения следовала, так что успели вовремя подсуетиться, в больничку сами отвезли. Вот я тебе и толкую – странная история. То ли одно к одному у, типа, беда не приходит одна. То ли... А вообще, жалко девчонку. Небось уходила – думала: райские кущи. А оказалось: не жиже, а гуще... Козырь, ты чего с лица сбледнул?
- Не, бригадир, тебе показалось. Просто у меня от той солянки, что мы с тобой на Сенной упромыслили, кишки симфоническую музыку играют.
- Странно, а у меня пока вроде все нормально. Ну, тогда, брат, что я могу тебе посоветовать? Не взыщи – подрищи.
- Вот как раз этим, Эдик, я сейчас и займусь. Все, извини, побежал.
- Давай-давай, – хохотнул Каргин. – Свежо питание, да серется с трудом. Только ориентировки со стенда не срывай – свежие, буквально утром повесили.

Глава вторая

Потом он достал из книжного шкафа томик Монтеня, перевел цифры в слова и соотнес эти слова с кодом, скрытым среди истин великого мыслителя. «Кем они считают меня? – подумал он. – Гением или всемогущим? Это же невысказано...»

Юлиан Семенов. Семнадцать мгновений весны

Даже после третьей выпитой кружки «Балтики» (вот оно, тлетворное стрепетовское влияние!) просветление наступать не торопилось. Меж тем Козырев возлагал на него большие надежды. Ему срочно требовалось найти решение или, на худой конец, обрести решимость. Но пока не наблюдалось ни того ни другого.

А ведь еще утром казалось, что тема с Ладониным благополучно прокатилась мимо, задев лишь самым краешком. Но теперь, после несчастного случая с Санычем, Пашу пытались втянуть в самый ее эпицентр, особо не интересуясь, есть ли у него желание туда вписываться. А желания как раз и не было. Вернее, было, но совершенно противоположное – чтобы его оставили в покое. Особенно теперь, когда на горизонте замаячили вполне конкретные очертания «большой и чистой любви». Сейчас бы наступление на любовном фронте развивать, а не в чужие запутки вписываться... Понятно, что по всем приметам против Ладонина развязана серьезная войсковая операция. Но это была исключительно его личная война – в принципе, неотъемлемая часть его бизнеса. И с какого боку здесь Козырев – не очень-то понятно.

Паша долго не решался позвонить Полине, так что в конце концов она вышла на него сама и предсказуемо попросила приехать. Судя по голосу, она была близка к истерике. Так что Козырев уклонился от встречи, соврав, что заступает в вечернюю смену. Все равно в таком состоянии ничего путного не придумаешь, а ехать лишь затем, чтобы менять мокрые от слез носовые платки, не хотелось. Полина в общих чертах пересказала Паше уже озвученную Каргиным версию ДТП, дополнив ее информацией о том, что Саныч в данный момент находится на операционном столе, и там пока ничего не ясно. В ответ Паша принес дежурные соболезнования. А что здесь еще скажешь?

Однако истерика истерикой, но в промежутке между рыданиями Полина ухитрилась взять с Козырева обещание связаться с Катей и попросить ее найти в своей службе человека, способного решить проблему установления «дарителя». Согласно выработанной накануне схеме. Разумеется, установить не за спасибо, а за весьма щедрое «не за спасибо». Похоже, памятуя о своем боевом прошлом, в сложившейся критической ситуации она всерьез вознамерилась заняться личным сыском. Паша поначалу сопротивлялся, считая подобную затею малоперспективной и хлопотной, но в какой-то момент сдался, не смог отказать. Кому бы другому – запросто. А вот Полине – не смог. Хоть и ругал себя за такое малодушие. Ну да не зря говорят: шея есть – хомут найдется.

Пришлось звонить Катерине. Как и следовало ожидать, ее подобное предложение, мягко говоря, не вдохновило. Но Паша оказался настойчив, так что теперь настал ее черед сдаться и пообещать «пошукать». После разговора с Катей Козырев чувствовал себя большой свиньей. Мало того, что днем из-за них она и так, по сути, пошла на должностной подлог, так еще и сейчас «загрузилась» не шибко приятной темой.

Подходя к дому, Козырев вдруг осознал, что единственный момент, который по-настоящему задевает его во всей этой истории, – причастность к ней Некрасова. Год назад Паша был свидетелем того, как покойный бригадир сцепился с опером и, судя по прозвучавшим тогда словам, Сергеич обвинял Некрасова в пособничестве бегству Ребуса. На чем основывались его подозрения, Паша узнать не успел, однако осадок остался. Так что, вернувшись

в свою каморку, Козырев, памятуя о ранее данном, но затем оправданно забытом («О, Катя! Das ist fantastisch!»), устроил масштабную перлюстрацию записных книжек, блокнотиков, тетрадок и клочков бумажек. И умудрился отыскать серпуховские телефоны – мобильный и домашний.

Лехин мобильник оказался «временно недоступен», а вот звонком на домашний Паша серьезно настроил против себя жену Серпухова, которая, сняв трубку лишь после десятка сигналов, костерила его долго и вычурно. Но после столь же долгих извинений с его стороны все-таки смягчилась и сообщила, что ее благоверный в данный момент дежурит в отделе, на сутках. «Если не наврал, конечно», – в сердцах добавила мадам Серпухова и бросила трубку.

Дозвониться до Лехи по служебному оказалось еще более непростым делом – телефон был постоянно занят, прямо как в справочной службе «Мегафона». А все потому, что ночь дежурства для Серпухова выдалась исключительной беспокойной. Раскалившийся добела телефонный аппарат звонил не переставая: Леха злился, скрипел зубами, но трубку еще снимал и на звонки пока отвечал по возможности без мата.

Вот и сейчас, едва закончив разговор со страдающими бессонницей москвичами, просившими о консультации относительно одного беглого «федерала», пришлось общаться с «областниками», которые интересовались, как найти опера, который задерживал Шилову по прозвищу Шило.

– Найти его мудрено, – уклончиво ответил Серпухов. Вообще-то, сажал Шило он, но по привычке решил сначала выпросить.

Выспросил.

– А-а! Так ты пытаешься убийство раскрыть? – наконец дошло до Лехи. – Брось время терять!

– А что так? – озадачился коллега.

– Во-первых, его заколол Левша, это весь город-герой Колпино знает. Во-вторых, заколол из-за их темных историй, в которых, чтобы разобраться, надо с ними лет по десять посидеть. В-третьих, Левшу уже таскали к вам... я не знаю, к кому... мы на психику давили. Он всем заявил: доказывайте, сажайте, я есть невиновный и в прошлом незаконно репрессированный... В общем, правильная позиция... а доказухи не предвидится. Они же один на один закадычно беседовали...

– Ну вы даете! А я тут сижу, бумаги мараю...

– Не ты один!

– И что, правда, как ты говоришь, все Колпино знает?

– Раз все знают, кроме вас, так это ты, дружище, даешь. Тебе не кажется?

– Слушай, можно я заеду к вам на днях?

– Заходи, – Серпухов положил трубку. – Орлы! Во!..

Не успел он метнуть в стакан с заваркой пару кубиков рафинада, как позвонил тоже дежурный. Но по городу. Ему Леха представился чинно, без выкрутасов. Дежурный призвал выехать в общежитие, где монголы с болгаринном избили немцев с вьетнамцем. Серпухов пообещал метнуться, вот только метнуться было не на чем – на единственной сейчас рабочей «Волге» в данный момент халтурил водитель шефа. Этому водителю Серпухов был должен, так что не в его интересах было жать на государственную педаль.

Тогда не мудрствуя лукаво он просто позвонил в местное отделение.

– Чего-то я недопонял, – без предисловий начал Леха. – Может, вьетнамцы с монголом ухайдакали немцев с финнами?

– С болгаринном, – уточнили на том конце провода.

– Болгарин – одна штука?

- Да.
- Финн тоже один?
- При чем здесь финн?!
- А кто при чем?
- Монгол.
- Один?
- Я не считал...
- Одного от стада не отличить?
- Приезжай – разруливай!..
- Руль накрылся. Так сколько кого? Ты можешь по-человечески сказать?!

– Ну тебя в жопу! – сорвался опер-«территориал». Затем он крикнул кому-то: «И тебя в жопу!.. Хули ты мне тут написал? Ты что, в джунглях?! Ты мне еще узелки повяжи вместо объяснения!» Затем снова наехал на Серпухова: – Десятый человек уже звонит, и все считают! Сколько – кого!.. Четыре кабинета забито – один другого краше. Болгарину так рыло начистили, что еле от вьетnamца отличил! Короче – приезжай сам и перекликивай, если надо!

– Трупы есть? – вяло поинтересовался Леха.

– Еще пару таких звонков и таких объяснений... – «Куда ты, мудака, лезешь! Ты не в чуме!» – Отделенческий опер кого-то стукнул. Послышалась иностранная речь. – ...И будут трупы! Сука, руки об занавески вытер!..

Серпухов понял, что лучше не нервировать коллегу:

– А чего разодрались-то?

– А немец выкинул селедку, которую жарили вьетнамцы... Запах ему, видишь ли, не понравился! Порядок он любит! Ну и началось поманеньку... – вкратце обрисовал картину дежурный оперативник 37-го отделения милиции.

В телетайпной застрекотал сложный передающий прибор. Порывом ветра распахнуло форточку и шибануло о стену. Следом зазвонил городской, а потом и местный телефоны: «Да! Да! Нет! Это вам нет! А вам нет – нет, вашу мать! Не вашу... Выехали уже! Я один тут сиротствую с вашими родственниками...»

– А-а-а! – не выдержав, заорал Леха и накинул пиджак на телетайп.

В итоге Паша вышел на Серпухова лишь в половине первого ночи. Когда даже самые неугомонные в этом городе решили хоть немного, но уgomониться.

– Слушаю, – рявкнул в трубку Леха как после двух пачек озверина.

– Ого! Командный голос вырабатываешь?

– Козырев, ты, что ли?

– Ага, я.

– Блин, еще один, которому нужна любовь. Тебе-то чего не спится?

– Леха, дело есть. На сто.

– Надеюсь, баксов?

– Нет, щелбанов. Ты важняка Некрасова из антикварного знаешь?

– Шапочно. Пару раз раскланивались. А один раз, на не помню по какому поводу вечеринке, за одним столом водку пили. Но я тогда от него через два стула сидел.

– И что ты можешь о нем сказать?

– Ни фиги ты вопросыки среди ночи задаешь! Ты бы еще спросил, что я думаю о нашем Президенте! Я его, кстати, вижу гораздо чаще. Правда, только по телевизору... А вообще, тебе с этим лучше к Максиму Есаулову подкатиться. Некрасов у него в отделе какое-то время кантовался.

– Понимаешь, мне к нему обращаться малость неудобняк. Мы, во-первых, не знакомы, да и контакты с «гласниками», сам знаешь, у нас не шибко поощряются.

- Да я в курсе. Идиотские все-таки порядки в вашем лепрозории.
- А что поделаешь? Мы – не менты, менты – не мы... Лех, а вот если без посредников о Некрасове? Хотя бы в двух словах.
- В двух словах, Паша, это к Ильфу, который друг Петрова. Читал?
- Обоих читал, а поодиночке нет. И что там по Ильфу?
- А по Ильфу характеристика такова: «До революции он был генеральской задницей. Революция его раскрепостила, и он начал самостоятельное существование».
- А революция эта у Некрасова когда случилась?
- А после того, как его с «земли» с каких-то щей в РУВД перевели.
- Вот видишь, значит, что-то такое слышал?
- Да я много о ком чего слышал. Кстати, разреши полюбопытствовать: на хрен он тебе сдался?
- Ты Игоря Ладонина помнишь?
- Вашего другана-олигарха? Конечно, помню. И чего?
- Его на днях задержали. А задерживал как раз Некрасов. И вот Полина попросила меня узнать, что за репутация у этого орла.
- Полина? Это такая симпатичная блондиночка из вашего экипажа? А у той что за интерес?
- Она уже давно вне Системы. И она... Короче, она живет с Ладониным.
- Опа! Толково. Погоди-ка, помнится, ты сам к этой Полине неровно дышал?
- Леха, давай на эту тему не будем, а?
- Понял. Извини. Проехали... Так и чего Некрасов пытается вменить вашему олигарху? Контрабанду антиквариата? Но ведь это пошло.
- Хуже. Он хочет притянуть его к недавней краже из Эрмитажа.
- Некрасов что, совсем ебанько?!
- Я тебе о том и толкую, мутная какая-то история. Потому и спрашиваю.
- Согласен, блудень. Знаешь, дружище, боюсь, это не совсем телефонный разговор. Если хочешь погутарить, давай лучше где-нибудь пересечемся. Выпьем, закусим, о делах наших скорбных покалякаем.
- Идет. А когда?
- Завтра, вернее, уже сегодня, у меня в принципе отсыпной. Но моя мне всю плешь прогрызла, так что придется вечером возить ее с детьми на дачу. А вот завтра, то бишь в субботу, готов соответствовать.
- Спасибо, Леха. Извини, если напрягаю. Просто у нас тут... Короче, все плохо.
- Да ладно, старый, не извиняйся, – пробурчал Серпухов. – И помни мудрые слова доктора Айболита: это очень хорошо, что пока нам плохо...

Несмотря на глубоко за полночь, после разговора с Серпуховым Паша решил попробовать позвонить еще и Лямке. Сейчас он руководствовался теми соображениями, что, чем больше заброшенных удочек, тем гарантированнее улов. Правда, немного смущала вчерашняя крайне раздражительная реакция Полины на предложение высвистать Лямку. Но Козырев решил, что вникать в их персональные заморочки ему вовсе не обязательно.

Причина окрыситься на Ивана у Ольховской действительно была. Вот только сам Лямка имел к ней лишь опосредованное отношение. Просьбу Полины, хотя и без особого энтузиазма, он исполнил: залез в банк данных ОПУ и отыскал запись о задании на наружку как в отношении самой Ольховской, так и в отношении Ладонина. Однако инициатором заданий выступала вовсе не служба собственной безопасности, как думалось Полине, а антикварный отдел УУР. Весьма неприятным открытием для Лямки стал тот факт, что в день, когда Ольховская обнаружила за собой «хвост», наблюдение велось уже четвертые сутки

кряду. Неудивительно, что после этого он особо тщательно изучил субботнюю сводку и облегченно выдохнул, не найдя себя в списке установленных связей. Похоже, команду на фиксацию и установление гостей, съезжавшихся к «Палкину» на день рождения Ладонина, «грузчикам» не давали. А внутри ресторана наблюдение, естественно, не велось – через такой фейсконтроль на шару не проскочишь и на плечах не войдешь.

Тем же вечером Иван опрометчиво рассказал о своих аналитических раскопках Ирочке. Выслушав мужа, та не на шутку встревожилась. Сама будучи сотрудником отдела установки, хоть бы и «декретным», она прекрасно понимала, что, засветись они в тот день на «квитанциях» «грузчиков», серьезных проблем не избежать.

А через день Ольховская позвонила снова. Лямка принимал ванну, так что трубку сняла Ирочка. Узнав, что Ладонин арестован, «молодая мать» взяла инициативу на себя и решительным тоном заявила: «Иван занят и подойти к телефону никак не может». А затем доверительно попросила «не втягивать Лямку в ладонинские авантюры». Тем паче что она, Ирочка, прекрасно помнит, чем они, эти авантюры, могут обернуться.

– И чем же? – сухо поинтересовалась Полина.

– За каких-то два года: одного убили, второй – скоропостижно скончался, третьего посадили, – напонила Ирочка. – По-твоему, мало?

– Немало, – подтвердила Ольховская. И после некоторой паузы добавила: – А еще, ПОМОЕМУ, редкостная ты, Ирочка, дрянь. Все, передавай привет мужу. Когда тот освободится от своих очень важных дел...

Понятно, что никаких приветов Ирина передавать мужу не стала. Равно как рассказывать ему об этом неприятном звонке.

Всего этого Паша, естественно, знать не мог, а потому безо всяких церемоний набрал домашний номер супругов Лямыных. По счастью, трубку снял сам глава семейства. Как результат – состоявшаяся между двумя старыми приятелями беседа оказалась не только душевной, но и в высшей степени полезной. Возможно, по той причине, что оба абонента к тому времени были слегка пьяны. И долгожданное просветление, о котором мечтал Козырев, наконец на него снизошло.

А вот Лехе Серпухову, в отличие от Паши, эта ночь, напротив, нагнала дополнительной мути. Хотя ее, этой самой мути, и без того было уже предостаточно – город большой, злодеев свора, а ему – отплеивайся. В довершение ко всему в пятом часу пришлось-таки отзывать с халтуры служебную «Волгу» и тащиться на 131-ю УК РФ.

Девчонку изнасиловали около одиннадцати в парадной, недалеко от ее же дома. Пока домой, пока плакать, пока мама, пока решили сказать отцу, пока ждали в дежурке, пока прокурорский причапал... В общем, Леха только к раннему утру подумать сумел. А подумать было о чем, поскольку девка оказалась шустрая и, пока ее насиловали, умудрилась стянуть из кармана негодяя записную книжку. Серпухов доложил, и реакция начальства оказалась вполне предсказуемой: «Ну если при записной-то книжке не найдете!..» Дескать, давай, анализируй, и дело в шляпе. В кино оно, конечно, драматургически бы получилось: многоходовка там, сюжетик витиеватый. А здесь...

Серпухов вернулся к себе, раздраженно дернул ящик стола и этим нехитрым движением тут же сбил ноготь большого пальца правой руки. Больно, зараза! Интересно, что он вообще хотел там разыскать? Слипшаяся в варенье кроличья ушанка. Обрывки портупей. Пухлые, как кленовые листья в сухую осень, явки с повинной, заполненные полуторасантиметровыми пьяными буквами. Кстати, собственноручные приписки в конце явок были удивительно зеркальны: «Никакого морального или физического воздействия на меня не оказывали. Претензий не имею». Вот, пожалуй, и все... Ах да, он же искал карандаш! Но этого чуда канцелярской мысли в ворохе движимого и недвижимого имущества отчего-то не нашлось.

Засим Леха опростал бутылку теплого пива, положил ноги на стол и закурил свою нехитрую мыслишку: «Ну смотрю я на сложенные листки. Упираюсь мозгом в теорию. И чего?.. Сволочь, мог бы фотографию с собой носить с какой-нибудь квитанцией об оплате на свое имя. Нарождает земля сыра уродов, а ты расхлебывай».

Ровно в девять утра, минута в минуту, на службу пришел молодой, которому их погрешки пока еще были в охотку. Ему-то Леха и вручил на камеральную обработку изъятую записную книжку: не то чтобы надеялся, что молодой узреет в ней суть, а, скорей, для воспитания усидчивости. Сам же поехал домой – отсыпаться.

* * *

Утром, собираясь на работу, Козырев не обнаружил на привычном месте на кухне персонального чайника. Поскольку по существующей договоренности правом на совместное пользование сей кухонной утварью обладала только Михалева, он постучался к соседке.

– Пашк, ты? Насчет кипяточка? Каюсь, мой грех, забыла вернуть, – раздалось из-за двери. – погоди секундочку, я только что-нибудь на себя накину... Все, заходи. Еще раз прошу прощения, сударь. Увы, все мы не вечны. Вот и мой электрический «Мулинекс» скоропостижно скончался.

– Аналогичный случай был в Тамбове. В смысле: мой такой же сдох неделю назад.

– Н-да, похоже, это китайское пластмассовое дерьмо при растаможке декларируется как одноразовая посуда. Давай-ка сюда свою кружку, кофе и заварка на столе. Давай-давай, не стесняйся. Ты сейчас новости смотрел?

– Не-а. Вы же знаете, Людмила Васильевна, я не фанат информационного спама. Мне этого дерьма на службе хватает.

– И совершенно напрасно. Врага надо знать в лицо, – назидательно заметила Михалева.

– А чего было?

– А был очередной сюжет про Эрмитаж. Вчера задержали второго подозреваемого.

– Ладонина? – вырвалось у Паши.

– Какого Ладонина? Почему Ладонина? Я имею в виду Запольского-младшего.

– А что, был еще и старший?

– Блин, Паша, нельзя быть настолько оторванным от жизни! – возмутилась соседка. – Неужели тебе совсем, ну нисколько, не интересна вся эта история?

«Отчего же, – подумал Козырев, – начиная со среды, безумно интересна. Будь она неладна!..»

– К началу проведения проверки в хранилищах отдела русского ювелирного искусства Эрмитажа скоропостижно скончалась его хранительница, некто Запольская. Собственно, по окончании этой проверки и стало известно о пропаже двухсот с хвостиком экспонатов. На днях задержали мужа Запольской, у которого нашли кучу ломбардных квитанций на предметы искусства. В их числе, похоже, и на вещи из Эрмитажа. А теперь вдобавок арестовали сына. Он вроде когда-то работал в Эрмитаже экспедитором. Говорят, что кражи совершались на протяжении чуть ли не десяти лет.

– Ого!..

– То-то и оно, что «ого». Вот я теперь и гадаю: то ли это наши доблестные органы в кои-то веки красиво и оперативно сработали, то ли они столь же красиво и оперативно назначили козлов отпущения.

– Да, веселая семейка, – прокомментировал михалевский ликбез Паша. – «Отец, слышь, рубит, а я отвожу». Получается, это мамашка экспонаты потихонечку тырила? А когда проверка началась, с перепугу окочурилась?

– Господин офицер! – строго посмотрела на него Михалева. – Будьте добры, смените свой глумливый тон! Речь все-таки идет о смерти человека и трагедии его семьи. К тому же еще абсолютно ничего не ясно. Равно как не предъявлено и не доказано. Или вас, в вашей «конторе», что, хотя бы основам юриспруденции не учили?

Под строгим взглядом соседки Козырев смутился и поспешил переменить тему:

– Людмила Васильевна, а вы сами как думаете? Могла эта хранительница столько времени безнаказанно выносить экспонаты? Причем так, чтобы при этом «никто-ничего-ни разу»?

– Ох, Пашка, не знаю... В принципе, вынос предметов из хранилищ может осуществляться только на выставку, на реставрацию либо на экспертизу. Пожалуй, и всё. Но, по большому счету, всё это исключительно на совести хранителя. А здесь, сам понимаешь, если захочется вынести, проблема только одна – сугубо технологическая. То бишь в принципе решаемая. Опять же – мы с тобой пока не знаем официальной причины смерти этой Запольской и сколько ей на тот момент было лет.

– А какая разница?

– В том-то и дело, что есть разница. Мне подруга моя, Илонка, я тебе о ней говорила, как-то жаловалась, что по линии кадров в Эрмитаже числится очень много старых хранителей, которые давно не ходят на работу, но при этом своего хранения не сдают и зарплату своевременно получают. Вот и прикинь: насколько возможен вариант, что после их смерти в хранилище вдруг окажется серьезная недостача, а спросить будет вроде как и не с кого? Ничего себе вопросик, а?

– Да уж...

– Ладно, Паш, это все из области досужих размышлений. Так что не будем гадать на кофейной гуще, посмотрим, как оно дальше пойдет. Кстати, о гуще: господин офицер, похоже, ваш кофе безнадежно остыл. Пойти, добавить горяченького?

– Спасибо, Людмила Васильевна, мне и так сойдет. Тем более бежать надо. Пригораю.

Весь путь до «конторы» Козырев прокручивал в голове рассказ Михалевой. Выходило так, что с учетом «открывшихся обстоятельств» в ближайшее время Ладонин может оказаться не при делах. Причем безо всякого стороннего вмешательства. Если господа Запольские начнут давать признательные показания, считай, дело в шляпе. В самом деле, трудно представить, чтобы Игорь ходил в подельниках этой семейной троицы – тихой безлунной ночью стоял на шухере или, скажем, исполнял функции барыги. Смешно ведь. Опять же, учитывая, что кражи начались лет десять тому назад. Да Ладонин максимум знает, где этот самый Эрмитаж расположен, не более. По крайней мере десять лет назад ему всяко было не до мирового культурного наследия.

А коли так, может, есть смысл дожидаться его освобождения? И пусть тогда сам разбирается: кто конкретно и персонально угрожал ему с этим чертовым подарком на день варенья. «Позвонить Катюше и временно дать отбой на работу по мобиле „дарителя“? – подумал Паша. – В самом деле, на фига ей лишний раз подставляться, если есть шанс, что тема разрулится сама собой».

Но тут, словно угадав его мысли, Востроилова позвонила сама:

– Привет! Паш, у меня небольшой аврал, так что буду коротко и по существу. Я нашла для Полины подходящего человека.

– Уже? О, черт! А я буквально только что собирался тебя набрать и попросить...

– О чем?

– Раз нашла, теперь неважно. И что за человек?

– Виктор Васильевич Смоллов, мой старший товарищ. И, в придачу, непосредственный начальник.

- Кать, ты с ума сошла?! Ты вот так, запросто, взяла и слила всё своему шефу?!
- А вот за такую фразу я, между прочим, могу и обидеться.
- Извини, я ненарочно. Как-то само вырвалось.
- Вырвалось у него... Я вчера весь вечер и сегодня все утро, как дура, унижаюсь, очаровываю, чуть ли не соблазняю, а в благодарность... Кстати, а что тебя в данном случае не устраивает? Или ты сомневаешься в компетентности моего начальника?
- Конечно, нет. Просто я не думал, что с такими вещами можно напрямую к начальству.
- А, по-твоему, лучше бы я расхаживала по этажам и интересовалась у каждого встречного сотрудника Управления «Р»: «Мужчинка, подхалтурить не желаете?»
- Кать, вот только не надо передергивать. В конце концов, согласись, тема, которую мы предлагаем, немного... Да какое там, на фиг, «немного»?! Это вообще незаконно! Тем более за деньги.
- А ты хотел, чтобы в данной ситуации вам помогали бесплатно?
- Опять ты начинаешь... Кать, я сейчас не об этом. Скажи: ты уверена, что твой Смолов того... не настигнет?
- Уверена. Еще раз поясню для тугодумов: Васильич готов взяться за эту работу. Но готов не из альтруистических побуждений, как, к примеру, известный мне лыцарь, а за деньги. Но если ты мне сейчас начнешь вещать про продажность и коррумпированность, я тебя при первой же встрече самолично придушу. Или ты хочешь сказать, что за все время службы ни разу не халтурил на сторону?
- Нет, – твердо ответил Козырев, а затем добавил: – Но, если честно, мне никто не предлагал.
- Вот тогда и не выступай.
- А я и не выступаю. Ты сама, первая начала.
- А что мне еще остается? Стараешься для него, а вместо доброго слова...
- Катюш, я готов сказать тебе хоть сто добрых слов подряд.
- Хорошо, говори, – немного смягчилась Востроилова.
- Спасибо тебе.
- Это раз.
- Спасибо тебе, родная моя.
- Повторяешься, незачет.
- Так ведь «родная моя» еще не было?
- Ладно, выкрутился. Два.
- Что бы я только делал без тебя?
- Три... Что замолчал?
- Я думаю.
- Ладно, отставить. На самом деле мне действительно жутко некогда. Но помни: остальные девяносто семь останутся за тобой в качестве долга. И только попробуй увильнуть!
- Слушай, Кать, а у вас со Смоловым давно такие отношения?
- Не ТАКИЕ, а нормальные, человеческие, дружеские отношения. А если уж говорить про ТАКИЕ – так это, скорей, про вас с Полиной.
- Да ты что?! Да ничего подобного!
- А то я не видела, как вы с ней в офисе целовались-прижимались.
- Катюш, вот честное слово, это чисто по-дружески!
- Вот и у нас со Смоловым – чисто по-дружески. Короче, все. Передай своей Полине...
- Она не моя!

– Хорошо, передай «просто Полине», что в районе восьми мы с Васильичем подтянемся на Итальянскую. И пусть к этому времени распорядятся насчет слегка перекусить. А то у нас столовка на ремонт закрылась.

– А вы с шефом какую икру предпочитаете – красную или черную?

– И ту и другую. И можно без хлеба. Все, до вечера, лыцарь. И – учи слова...

О том, что Смоллов периодически выполняет подобного рода заказы, до сегодняшнего дня Катя, если и не знала наверняка, то догадывалась. Более того, при разговоре с Пашей она немного слукавила – лично она знала в родном Управлении минимум троих так называемых «решальщиков», вполне готовых взяться за такую работу. Однако Катя в конечном итоге решила обратиться именно к Виктору Васильевичу: уж он-то бы точно не послал ее и не спалил. А если даже бы не взялся, то хотя бы помог советом.

Однако Смоллов взялся. Причем взялся на удивление легко. Но не стоит думать, что сей поступок с головой выдавал в нем потенциального «оборотня в погонах». Обратни, они ведь все больше в Аппаратах: там, где и труба диаметром поболее, и паркеты позеркальнее. А Виктор Васильевич был всего лишь опером-технарем. Плюс – нормальным мужиком с нормальными мозгами. И в поступках своих он всего лишь руководствовался той нехитрой житейской мудростью, что «деньги, конечно, большое зло, но их отсутствие – зло еще большее». Таких «леваков» в Управлении «Р» было немало. И все они, по мере сил и возможностей, пытались делать свой немудреный гешефт в сфере оказания информационных услуг населению. И если кто сам без греха, тот может смело начать швыряться в них за это камнями!

* * *

Предпосылки к возникновению «бизнеса на прослушках» возникли во второй половине девяностых годов прошлого столетия, когда Министерство внутренних дел получило в свои руки очень серьезные технические мощности и технологии. Такие, о которых раньше и мечтать не могло.

Это был действительно прорыв. Сначала в технологиях, а затем в приказах и указах. Причем прорыв системный. Ибо при тех же коммунистах сотрудники МВД не могли практически ничего: они могли «слушать» только через Комитет, а «просматривать» – только по разрешению Комитета. Да и то чекисты отдавали лишь те крохи, которые сами считали нужным отдать. Грубо говоря, «глаза и уши» долгое время являлись монополией КГБ. Но потом...

Потом вся эта система рухнула к чертовой матери. И менты наконец-то получили возможность включаться, подслушивать и подсматривать – слава Богу, дожили! А тут еще и мобильный телефон внезапно сделался в нашей жизни всем. Вот она, во всей красе, НТР на службе сыска! Когда, говорите, надо с преступностью сдюжить? К ноябрьским? Ну, к ноябрьским, может, и не успеем, а вот в первом квартале будущего года – почему бы в самом деле и не попробовать? Ага, щас!.. Если уж у нас прорыв, то прорыв по всем фронтам. В частности, примерно в это же самое время по всей стране стали повсеместно возникать так называемые «красные крыши». Посредством которых МВД очень быстро, а главное – качественно оттянуло от криминального мира его важнейшую функцию «неформальных решений» всевозможных запуток и споров.

Поначалу технари из Управления «Р» в эти погребушки не игрались: интеллигенция, белая кость, «за державу обидно» и прочая. Хотя на самом деле всё обстояло гораздо прозаичнее – этих самых «погребушек» им никто особо и не предлагал. Однако, проработав несколько лет в условиях новой экономической политики, рядовые исполнители прекрасно

увидели и сообразили: кто кого и зачем слушает. Про то «как» они и сами прекрасно знали. Рано или поздно, но это должно было случиться. Ведь технарями служат профессионалы. К тому же у них, как у всех нормальных людей, есть уши, есть собутыльники. Они тоже читают газеты и смотрят телевизор. Словом, возможностей для анализа предостаточно.

И вот когда они это дело проанализировали, то скоренько установили, что бурным, мутным и нескончаемым потоком прет через них самая натуральная «джинса». Причем прет с самого верха. И если взять хотя бы банальные ПТП, то семьдесят процентов от общего объема – это экономика, бизнес-схемы, откаты, тендеры, запросы и прочая подобная муть. То есть ребята поняли, что «подсматривают-подслушивают» вовсе не каких-то там вурдалаков, злодеев злодейских или готовящихся под посадку чиновников, а все больше народ из «бизнес-класса».

Конечно, это совсем не означало, что люди, которых они слушали по чьему-то заказу, – хорошие люди. Но зато сделалось предельно ясно, что подобного рода заказы нужны некоему Капиталу для решения сугубо шкурных персональных интересов. Отсюда вывод: они, рядовые технари, окончательно сделались разрозненной частью разведки. Но – разведки Капитала, а уж никак не МВД. По крайней мере в пресловутых семидесяти процентах. Однако как-то повлиять на эту ситуацию технари не могли, потому что формально все было законно и все было подписано.

Теперь добавьте к этому печальному выводу эмоцию, связанную с неуклонным ростом благосостояния трудящихся. В нашем случае – непосредственных коллег. Все эти дорогие машины, экзотические курорты, хорошие часы и костюмы... И на фоне всего этого великолепия – сам «тайный механизм», посредством которого все «хорошее» и делается. Сидит он себе в тесном прокуренном помещении на зарплате контролера и что-то такое паяет-втыкает-корябает. Словом, «вся дивизия в монастыре хлещет спиртное, а я один позабыт-позаброшен».

Тем временем спрос на прослушку окончательно превысил предложение. Если, к примеру, по Питеру имеется примерно 300–400 точек ПТП, то, будьте уверены, все они давно и устойчиво забиты. Воткнуться-притулиться превратилось в проблему. Тем более что, помимо бизнес-тем, никто пока еще не отменял громких резонансных уголовных дел, по которым подобная процедура запускается автоматически-мгновенно. Как результат, в большинстве остальных «рабочих» случаев все делалось затяжным, звероподобным образом, и рядовой опер имел шансы что-то такое пробить и включить разве что через месяц-два после оформления задания.

Отсюда те люди, которые тоже хотели бы начать подслушивать своих оппонентов, конкурентов и т. д., в какой-то момент начали понимать, что через рабочих оперов решать вопрос становится все тяжелее. А генералов, как и известных кондитерских изделий, всегда не хватает на всех. И тогда через бывших сотрудников они вышли напрямую на технарей, которые уже созрели и были морально готовы внимать. И между ними состоялся примерно следующий диалог:

ТЕ: Слушайте, ну что мы будем через генералов да через суд! Лично вы – можете?!

ЭТИ: Можем!!

ТЕ: А без бумаг?

(Потому как – мотивации, подписи, прочая «липа»... Все это, как ни крути, – следы.)

ЭТИ: Можно и без бумаг.

ТЕ: Слушайте, а как это?

ЭТИ: Да очень просто...

(Далее они объяснили, как именно «просто».)

ТЕ (*выслушав и оценив*): Зашибись!

ЭТИ: Мы тоже так думаем. Так что – нет проблем, воткнемся. Вот только давайте сразу договоримся: мы будем решать вопросы только с доверенными людьми, нам посторонних не надо.

ТЕ: Заметано.

ЭТИ: И вот еще что. Это будет только бизнес, исключительно бизнес-разведка. Мы готовы прослушивать любовниц, банкиров, риелторов, директоров и менеджеров, дабы вы могли решать свои схемы. Но мы не будем прослушивать человека, которого кто-то хочет убить. То есть: мы не работаем на киллеров, мы работаем на бизнес. Доступно излагаем?

ТЕ: Вполне. Вот только хотелось бы уточнить касательно сводок ПТП...

ЭТИ: Мы вполне понимаем ваши проблемы. Вам нужно слышать голос, ибо сводку, как и усы, подделать можно. Так вот: мы готовы отдавать вам именно что звуковую дорожку, а не бумажный тугамент. Но поскольку мы делаем продукт быстрее и качественнее, чем генералы-адмиралы, то цена вопроса...

ТЕ: Кстати, да. Назовите вашу цену?

ЭТИ (*немного поразмыслив, пощелкав калькулятором*): Неделя – две тысячи долларов. Но меньше чем на две недели мы брать не хотим. Нам неинтересно.

ТЕ: А не крутовато ли?

ЭТИ: В Москве ценник на аналогичные услуги – семь-восемь. Так что решайте сами.

ТЕ: А как насчет легализации?

ЭТИ: Месяц.

ТЕ: Что месяц?

ЭТИ: Через месяц при желании можете смело выкидывать дорожки в Интернет. Почему? Да потому что: мы – прослушиваем. Госдурь, чекисты, налоговая, таможня – все прослушивают.

ТЕ: А если начнут проверять?

ЭТИ: То быстро устанут. Задания нет. Следов нет. Кто заказал? Кому заказал? Кто такой этот потерпевший?.. Еще вопросы? Или начинаем работать?

ТЕ: Вопросов больше нет.

ЭТИ: Тогда денюжку вперед, будьте любезны. И, по возможности, в не очень крупных купюрах. Нам ее, сами понимаете, потом по-братски раздербанить нужно...

Так сформировался бизнес. По-деловому буднично, по-будничному делово и безо всяких там страданий молодого Вертера. В самом деле: «А что такого особого мы делаем? Я, к примеру, слушаю банкира Федякина, которого заказал депутат Ревякин. Но если в свою очередь Федякин захочет прослушать Ревякина – нет проблем: найди посредника и приди ко мне. А все ваши тендеры в Смольном мне, ребята, если честно, до одного места. До лампочки».

Вот и все. Сначала был прорыв, потом – кардинально поменявшееся мировоззрение. Людей довели-опустили до определенной планки, оказавшись у которой, они поняли: всё, приплыли, сейчас всё украдут без нас. И, выражаясь банально, вскочили на подножку уходящего поезда. Затем прошли в глубь состава, осмотрелись, освоились и заняли свободные

места. Если и не в купейном вагоне, то, как минимум, в плацкарте с удобствами. И вообще, закон любой службы: чем дольше служишь, тем меньше принципов у тебя остается.

Кстати сказать, Виктор Васильевич Смолов в своем Управлении был, пожалуй, одним из тех, кто «вскочил» в числе последних. Прекрасно ориентируясь в том, как устроен этот мир, он, тем не менее, долго отнекивался от разного рода предложений подхалтурить. Нет, не из опасений подставиться – ему мешало крепко вбитое, засевшее в башке на подкорочном уровне еще со времен училища понятие офицерской чести. Ведь, в отличие от коллег – ментов, звание у него было не специальным, а самым что ни на есть настоящим.

«Сломался» Смолов осенью 2001-го. Он хорошо запомнил день, когда, спускаясь по эскалатору на «Чернышевской», случайно прислушался к разговору двух парней в черных, явно служебных джемперах:

– Слушай, кончай скулить, а? Мы же знали, какую работу выбираем.

– Ага, а помнишь, как мы ее с тобой выбирали? В армии случайно в учебке попали в минеры, а затем при поступлении в ФСБ этим похвастались. Теперь вот спасаем жизни хозяев «Лексусов», которые нас уважают лишь в момент нашего копошения под кузовом.

– Не обобщай. Не только их.

– Не только, но в основном. А чтобы сильно не задумываться, выдумали себе пафос минеров. Вот сейчас мы с тобой в метро едем, а эти – в «Лексусах».

– И что теперь?

– А то, что еще не поздно переучиться. Иначе однажды оторвет запястья – и привет. Две-три статьи о подвиге и нищета от щедрот Управления.

– И на кого переучиваться-то?

– Да хоть в оперативники. У них можно ошибаться раз пятьсот. Да и поживиться есть чем.

Смолов тогда сошел со ступенек эскалатора и грустно подумал: «Н-да, крыть нечем...»

Через неделю, к немалому удивлению не раз подкатывавшегося к нему Володи Исакова, Виктор Васильевич согласился во внеслужебное время послушать местного водочного магнатика на предмет его экспансии на территорию соседней Вологодчины. На первые заработанные подобным образом «левые» деньги были куплены не новая, но вполне приличная дубленка жене и осенние сапоги дочери.

* * *

В начале девятого вся команда (те же плюс Смолов) была в сборе. Насчет разнотравья икры Паша, признаться, малость перегнул. Тем не менее небольшой, но вполне достойный этих стен бизнес-ланч для гостей секретарша Оля изящно сервировала и к назначенному часу элегантно подкатила.

На правах старшего и по возрасту, и по званию Виктор Васильевич взялся вкусить трапезу первым. В данный момент лишь очень наблюдательный мог бы заметить, что в этом роскошном незнакомом кабинете он покамест чувствовал себя не слишком комфортно. При том что за свою жизнь этих самых кабинетов Смолетт перевидел всяко-разно. Остальным участникам тайной концессии как-то не елось. А вот пилося и курилось с явной охоткой – обозначая процесс, никто из присутствующих не стремился начать разговор первым. Присматривались...

После того как вторая подряд маслинка выскользнула из его желтых, до кости пропитанных никотином пальцев, Смолов досадливо чертыхнулся, решительно отставил от себя тарелочку со снедью и, нарушая всеобщее молчание, запустил голосовую сигнальную ракету:

– Ближе к делу, дамы и господа! Времени мало, и оно позднее.

В ответ на этот незамысловатый спич «дамы и господа» облегченно вздохнули и слегка пошевелили начинавшими было затекать конечностями. Смолов уловил, что задал правильную интонацию, а посему уже более уверенно, вернее, почти бесцеремонно, попросил:

– Катерина, Павел! Не считите за труд и неуважение – на какое-то время покиньте кубрик. Нам с Полиной, э-э...

– Валерьевной...

– Точно так, пардон... Нам с Полиной Валерьевной требуется уточнить некоторые технические параметры.

Козырев не сразу сообразил, чего от них хочет «шеф». Зато Катя мгновенно подорвалась с кресла и, ухватив Пашу за рукав, потащила в приемную. Впрочем, буквально через пару минут зычный командный голос пригласил их вернуться обратно.

– Благодарю за понимание. И снова прошу прощения, – расшаркался Смолов. Похоже, интерьер кабинета, в котором классицизм девятнадцатого века заметно доминировал над хай-теком века двадцать первого, невольно сподвиг его на высокопарный державинский штиль. – Уверяю вас, то была не форма недоверия, а всего лишь форма борьбы за выживание. Бля, как сказал!

Всё, с этого места с державинским штилем и прочими церемониями было покончено. И слава Богу!

– В общем, так... Кстати, Полина Валерьевна, ничего, что я в каком-то смысле банкую? – несмотря на солидную разницу в возрасте, Смолов обращался к Ольховской исключительно по имени-отчеству, подчеркивая тем самым ее статус заказчика.

– Да-да, пожалуйста, – растерянно кивнула Полина, малость ошалевшая от напористости чужака.

– Мерси за оказанное доверие. В общих чертах ситуация, благодаря этим молодым людям, – Смолов указал, каких именно, – мне ясна. Единственное, что дополнительно хотелось уточнить, это относительно дня сегодняшнего. Есть какие-нибудь концептуальные новости?

– Концептуальных, пожалуй, две. Почти как в присказке: плохая и хорошая. С какой начать?

– С хорошей, – опередив остальных, попросила Востроилова.

– Операция у Саныча прошла успешно. Он пока в реанимации, но главное – жить будет. Уже живет. Согласитесь, что...

– А плохая? – нетерпеливо перебил Козырев.

– Сегодня к Игорю приходил адвокат... Больше откладывать было нельзя, а Толик... Вернее, Анатолий Сергеевич, там... Там, на Пулковском...

– Дайте воды, – сухо бросил через плечо Смолов, и Катя, подхватив со столика бутылку минералки, кинулась к Ольховской.

– Нет-нет, – замотала головой та, – спасибо, не нужно. Извините.

– Да ничего страшного, – железобетонно успокоил Смолов. – И что адвокат?

– Чаша уже прошла экспертизу – она действительно значится в перечне предметов, похищенных из отдела русского искусства Эрмитажа.

– Кто бы сомневался...

– Это еще не все. По словам адвоката, у следствия есть выписки из ЕГРЮЛ, согласно которым фирма «Восток», от которой якобы чаша была презентована Игорю, с недавнего времени является аффилированной структурой «Российского слитка».

– Чем-чем является? – переспросил Паша, слабо ориентирующийся во всем, что связано с экономикой и финансами.

– Переводя на общедоступный – родственной, – пояснил Смолов и задумчиво потер переносицу. – А вот это хреново. Похоже, они пытаются доказать, что в данном случае имела место классическая схема легализации похищенного имущества.

– Ну да, легализация через якобы дарение.

– Люди, – опять подал голос Паша, – мне снова требуется переводчик.

– Поскольку по документам обе компании связаны с Игорем, получается, что эту чашу он как бы подарил сам себе, – перевела Катя.

– Дурь какая-то.

– Это не дурь, это очень даже изящная комбинация, – не согласился Смолов. – А про ООО «Восток» что-нибудь удалось узнать?

– Я сразу отправила юриста в налоговую. Оказалось, что Игорь действительно числится в учредителях «Востока». Соответствующие изменения в учредительные документы внесены в мае этого года, но наши финансисты почему-то ни сном ни духом. В общем, полный бред. Фирма с минимально разрешенным уставным капиталом, которая, похоже, существует только на бумаге. По крайней мере ни в одном бизнес-справочнике я не нашла ее координат...

– Эти изменения случаем не в 15-й межрайонной регистрировались?

– Кажется, да.

– Тогда понятно. В нашей практике подобные случаи уже встречались. Помнишь, Катя? Поясняю: в этой инспекции до недавнего времени работало несколько ушлых ребят, которые за долю малую по желанию заказчика вносили нужные тому изменения в пакеты регистрационных документов. После чего те, уже в «измененном» виде, уходили в ЕГРЮЛ. Кстати, брали ребята относительно по-божески – всего пару сотен за одну фирму. Правда, в основном «обслуживали» рейдерские схемы, где таким нехитрым образом отбирались целые предприятия. С другой стороны – думается, что им, архарам, все едино.

– Значит, можно доказать, что вся эта тема – полная «липа»? И что Игорь к этому чертовому «Востоку» не имеет никакого отношения? – посветлела лицом Полина.

– Скорее да, чем нет. Тем более что архаровцы ныне сидят в ДОПрЕ. Так что можете затачивать на это дело своих юристов. Лично меня в данном случае больше занимает другое.

– Что? – в один голос спросили Козырев с Катей.

– Для того чтобы, скажем так, подправить учредительные документы с внесением в них имени Ладонина, надо, как минимум, иметь полные паспортные данные, образец подписи и еще кое-что по мелочам. Отсюда вопрос: где, условно говоря, злоумышленники все это дело раздобыли?

– Элементарно! – усмехнулся Паша. – Диски с цабовскими базами продаются на каждом углу. А там есть и паспортные данные.

– Актуальность базы, которая «продается на каждом углу», – конец 2002 года. Она неполна, неточна. К тому же у большинства горожан забиты сведения с паспортов старого образца.

– Что, и у Игоря?

– И у Ладонина. Я проверял. Кстати, в этой базе адрес прописки также указан неверно: он ведь сейчас на 7-й линии Васильевского зарегистрирован? – Смолов вопросительно посмотрел на Полину.

Та в ответ кивнула и сухо поинтересовалась:

– А что еще вы успели узнать?

– Да многое: наличие/отсутствие судимостей, административную практику, личный транспорт, личное оружие, владение недвижимостью, бизнес, частоту авиа и ж/д перемещений. Всего и не упомнишь.

– То есть начали с того, что собрали на Игоря полное досье? – ошетижилась Ольховская. – На всякий пожарный? Или не поверили, что Игорь не имеет никакого отношения к этой чудовищной краже? Ну как же – бизнесмен, брат бандита, однозначно мутная личность...

– А Паниковский и не обязан всем верить, – усмехнулся Смолов. – В конце концов, я должен понимать, во что вписываюсь и на чьей стороне играю. Иначе некомфортно. Или, по вашему, для нынешнего русского человека нет ничего невозможного, если за это платят бабки?

– Я так не сказала.

– По-моему, вы так подумали... Вы правы, Полина Валерьевна, я не ангел. Я не люблю деньги, но я в них нуждаюсь. Но! Нужда нужде рознь... А, кстати, забавно, что в русском языке у этого слова два столь непохожих значения. Так вот. Сами знаете: иногда так прихватит, что кажется, наплевать на всех – прямо тут, посреди площади, встану и справлю. Однако спохватишься: неловко, неудобно, не так воспитаны, черт возьми!.. Поневоле приходится терпеть. Но кто-то может и на площади – хоть по большой нужде, хоть по малой. Лично я – не могу и не считаю зазорным в этом сознаться. И – прошу прощения за грубые флотские аллегории и за столь неуместный на флоте же пафос.

– Народ, кончали бы вы свои пикировки, ей-богу! – попыталась разрядить обстановку Востроилова. – Мы не для того собрались, чтобы ссориться. В конце концов, здесь, в этом кабинете, все менты: кто-то – действующий, кто-то – бывший. Так к чему эти баталии на идеологическом фронте?

– Ну да, ну да... Извините, зарапортовался, – виновато сложил руки на груди Смолов. И чуть слышно добавил: – То, что менты, – это точно. Вот только, если от нас якобы уходят лучшие, а мы остаемся, вопрос – кто такие мы?

– Виктор Васильевич, вы так и не договорили. По-вашему, если данные Ладонина взяты не из пиратских баз, значит, кто-то из наших подсуетился?

– Такие «наши» в овраге лошадь доедают, – мрачно прокомментировал Паша. – Некрасов это, его работа. Больше никому.

– Насчет «некому», здесь ты, брат, загнул, – усмехнулся Смолов. – Но я бы пока не спешил делать окончательные выводы. Полина Валерьевна, нельзя ли взглянуть на пульт, или как это у вас называется? В общем, хотелось бы осмотреть место в дежурной комнате, куда сведены мониторы слежения.

– Да запросто. Пойдемте, я распоряжусь, чтобы Григорий вас проводил и все показал.

Сведя Смолова с охранником, Ольховская вернулась.

Воспользовавшись тем, что на некоторое время они остались составом «молодежной сборной», Паша тут же ошарашил ее неожиданным вопросом:

– Полин, а почему ты не сказала, что на днях за тобой ставили наружку?

– А откуда ты?... В отделе растрепали? Или... Лямка?

– Какая разница? Допустим, Лямка.

– Твою мать! – вырвалось у Полины. – Я ведь просила оставить его в покое и не впутывать в это дело! На фига ты ему звонил?!

Ольховская схватила со стола пачку, нервно содрала с нее слюдяную обертку и, выудив сигарету, раздраженно бросила:

– Дай огня!

Паша послушно протянул зажигалку, помог прикурить. Такая мизансцена очень не понравилась Востроиловой, и она, как бы между прочим, заметила:

– Знаешь, Полина, если бы со мной, тьфу-тьфу, случилось несчастье и мне на помощь, по первому зову, пришли друзья, я бы вела себя с ними несколько иначе. Хотя бы из прагматических соображений. Потому что в помощи в эту минуту нуждаются не они, а я.

– Все правильно, – немного успокаиваясь, признала Ольховская, – прости, Катя.

– А я-то здесь при чем?

– Да-да, Паш, и ты тоже не обижайся, ладно? У меня от всего этого сумасшествия мозги потихонечку плавятся, а нервы скручиваются. Обещаю: больше такого не повторится. Хотя, скорее всего, совру, конечно... Что касается наружки – каюсь, была такая залепуха. Но к делу она не относится. Плановая, профилактическая проверка нашей СБ, не более того.

– В том-то и дело, что не плановая и не СБ. Это «антикварщики» за тобой и за Игорем «ноги» выписывали. А именно: Некрасов. И, заметь, рассказал мне об этом Ванька. Так что не знаю, какое там кошачье между вами пробежало, но факт остается фактом.

– А каким числом было выписано задание? – деловито уточнила Катя, пока Ольховская переваривала столь неприятную информацию.

– Еще в прошлый четверг. Прикинь!

– То есть за два дня до того, как официально было объявлено о краже? Да уж, «еще и напева-то, собственно, нет, а чувства уже возникли». Ты хочешь сказать, что Некрасов загодя обставлялся, готовясь к аресту Ладонина?

– Типа того. И сама Полина в этом ему здорово помогла.

– Это каким образом? – очнулась Ольховская.

– Согласно пятничной сводке наружного наблюдения, вечером Ладонин отвез тебя прямо к центральному входу в Эрмитаж. Куда ты и проследовала, и провела в музее не менее двух часов. О чем, заметь, ты опять-таки нам ничего не сказала. Так что в очередной раз спасибо Лямке, просветил. Ну, теперь-то расскажешь, за каким чертом тебя туда носило? Не нашлось другого времени мумию посмотреть?

– Ребята, вот честное слово, – принялась оправдываться Полина. – У меня даже мысли не было как-то связывать эти события...

Судорожно глотнув из своего стакана на полпальца виски, ставшего для нее в последние дни стимулятором-антидепрессантом, Ольховская принялась рассказывать. Выяснилось, что недели две назад, в гряде прочей ежедневной многокилограммовой корреспонденции, в офис пришло письмо-приглашение. Ладонина как безусловного питерского VIPа любезно зазывали на светскую вечеринку, посвященную закрытию Пятого Международного музыкального фестиваля «Большой вальс». По этому случаю давался большой гала-концерт в сводах Гербового зала Зимнего дворца. Игорь и так был не большой поклонник «филармоний», а после того, как прочитал в приглашении, что «проведение фестиваля способствует патриотическому воспитанию граждан России посредством приобщения их к вневременным духовным национальным ценностям», и вовсе скривился: «Да ну их на фиг. А то вот так вот, случайно, приобщись, а тебя – хоп, и правда в патриоты запишут. Еще и членские взносы платить заставят. На возрождение России. Любопытно, как сейчас патриотизм котируется? Слушай, я ведь даже придумал для него единицу измерения. Знаешь, как называется? Один ходор. Звучит?» В общем, все упреки и доводы Полины, которой, напротив, очень хотелось сходить на этот концерт, не сработали. «Если хочешь – иди одна, – отмахнулся Ладонин. – А мне струнно-духовые противопоказаны. Почему? Понимаешь, у меня с детства есть странная убежденность, что я обалденно играю на скрипке. И чтобы оставаться в таком заблуждении, я с тех пор скрипку в руки не беру и даже не слушаю. Благодаря этому в душе я – круче Паганини».

– ...Мы тогда немного поругались, но в итоге на концерт я все-таки пошла одна. Сто лет никуда не выбиралась, а тут такая интересная программа. Да еще в таких декорациях...

– Во-во, декорации что надо, – язвительно заметил Паша.

– Так ведь там человек пятьсот было, если не больше! И половина из них – VIPы, богема, сплошь истеблишмент. Даже губернатор приезжала. Что здесь такого, криминального?

– Криминального ничего, вот только в отчете наружки такие пикантные подробности, как ты знаешь, не фиксируются. А написано примерно следующее: в 19:45 машина объекта остановилась у входа в Эрмитаж со стороны набережной. Связь объекта, кличка которой дана... извини, но так в оригинале... «Ключка», проследовала внутрь музея, откуда не выходила вплоть до 22:00. А в 22:00 наблюдение за связью объекта прекращено по согласованию с заказчиком.

– Сволочи! – ругнулась Полина, в первую очередь обидевшись на «Ключку».

– Работа у нас такая, – вступился за себя и за своих коллег Козырев. – Теперь ты понимаешь, что формально эти несколько строчек лишний раз привязывают тебя с Ладониным к Эрмитажу. Ведь тему можно по-разному повернуть. Может, ты действительно музыку слушать ходила, а может...

– Что «может»?

– А может, тебя Игорь специально туда послал. Дабы среди шумного бала, случайно, ты встретила с его эрмитажным агентом и передала нужные сведения. Желательно в танце.

– Но откуда я могла знать, что все так повернется! – отчаянно вскинулась Ольховская. – Что невинный поход в Эрмитаж может обернуться уголовным делом!

– А тебя, между прочим, никто и не винит.

– Ну слава тебе господи. И на том спасибо...

– Что за шум? По какому поводу столь жаркая дискуссия? – с порога поинтересовался незаметно возвратившийся Смолов. – Разрабатываете план нападения на полицейский участок? Сразу предупреждаю – без меня. Как говорил Левченко, «семи смертям не бывать, но в тюрьму я не пойду».

Катя кратко пересказала ему суть очередной, только что вскрывшейся проблемы.

– Респект и уважуха, талантливо работают ребята. Скажите, Полина Валерьевна, у вас часом билетик этот пригласительный не сохранился?

– Сейчас посмотрю, кажется, я его не выбросила.

Она принялась судорожно рыться в своей сумочке «от Falchi» и на этот процесс ушло минимум несколько минут. Наблюдая за ней, Козырев с трудом подавил в себе неприличный смешок: сейчас Полина напоминала ему молоденьких девиц, которых он часто встречал в маршрутках. Тех, которые предпочитают хранить свои мобильники в дамских сумочках. И вот когда телефон неожиданно зазвонит, начинается настоящее иллюзионистское шоу. Девица лихорадочно ныряет в сумку чуть ли не с головой, и оттуда на свет божий начинают извлекаться самые разные предметы – одноразовые платочки, зажигалки, жвачки и чупа-чупсы, ключи, записные книжки, тампоны, косметика и т. д. Короче, все что угодно, за исключением разве что коронной фишки фокусника – белого кролика и... самого телефона, который меж тем продолжает надрываться.

– Вот, нашла, – облегченно выдохнула Полина и протянула Смолову кусочек тисненого картона.

– А конверт?

– Конверт я выкинула. Чтобы не таскать лишний хлам.

Козырев не удержался и хмыкнул: едва ли избавление от стандартных размеров конверта как-то повлияло на упорядочение хаоса в бездонных недрах «от Falchi».

– Жаль. Но давайте поглядим, что есть.... Странный квиток. Если это приглашение, почему в нем не предусмотрена пустая строчка для вписывания имени гостя? Неуважуха

какая-то получается. Опять же, VIP-билет мог бы и посolidнее смотреться. Вы ведь, Полина Валерьевна, насколько я понимаю, на крутых местах музычку слушали?

– Вовсе нет. Мне сказали, что можно занимать любое свободное кресло.

– Даже так? Тогда вообще получается неуважуха в квадрате: самих Ладониных – и в общий коллектор!

– Может, подделка? – предложил свою версию Козырев.

– Не думаю. Голограммка все-таки имеется. Опять же на входе пропустили, ничего такого не заподозрили.

– Так и подделки классные бывают.

– Не знаю, не знаю... Слишком хлопотно. Проще настоящий купить.

– А можно мне посмотреть? – попросила Катя.

Она повертела квиток в руках и подтвердила:

– Действительно, больше напоминает проходку. Особенно припиской «на два лица». Интересно, а что означают эти две буквы?

– Какие буквы? Где ты там углядела буквы?

– А на обороте, в левом верхнем углу. Карандаш полустерт, но, тем не менее, все равно прочитываются буквы – «О» и «Р».

– Как ни крути, но на «Игорь Ладонин» не тянет, – заметил Паша. – Кать, вот ты говоришь, напоминает «проходку». А их обычно кто выдает?

– Ну кто? Устроители концерта, организаторы, спонсоры. Самим музыкантам полагается какое-то количество.

– Тогда я знаю, что означают эти буквы! – торжественно объявил Козырев, горделиво обведя взглядом аудиторию.

– Паш, хорош рисоваться, говори!

– «Русский отдел». Тот самый, из хранилища которого чашу эту и скоммуниздили.

– А что? Интересная версия, молодец! – похвалил Пашу Смоллов. – Надо будет на досуге помозговать, каким образом ее проверить.

– А здесь не надо ничего мозговать, – продолжил развивать успех Козырев. – Я сам все сделаю. Через своих людей в Эрмитаже.

– Что за люди, откуда они у тебя взялись? – недоверчиво спросила Ольховская. – Если мне не изменяет память, ты сам-то со школы в Эрмитаже ни разу не был.

– Каюсь, не был. Но свои люди есть. Вот только я источников не выдаю.

– Слушай, хвастунишка, а, может, при твоих сыскных талантах мы с Васильичем здесь вообще лишние? – насмешливо уточнила Катя. – Сам все и раскрутишь. Вместе с источниками.

– Так это же начальная арифметика! Дважды два. Смотрите: на «Русский отдел» выдали энное количество билетов на бал. Выясняем, кто из обладателей «проходов» в тот вечер пришел на концерт. Соответственно, тот, кто отсутствовал, тот и пожертвовал свой билет Ладонину. Мы его дергаем и жестко так беседуем...

– И как это нам позволит продвинуться в поисках «дарителя»?

– Да они наверняка повязаны! Вот чувствует мое сердце! А может, это вообще одно лицо. А что? Сам чашу спер, сам ее Ладонину и подсунул.

– А смысл так рисковать безо всякой выгоды для себя?

– Насолить Ладонину, – не слишком уверенно предположил Паша.

– А мотив?

– Откуда я знаю? Надо у Игоря спрашивать. Может, они когда-то чего-то в этой жизни не поделили.

– Я согласен с Катей, что-то здесь не стыкуется, – кивнул Смоллов. – Но в любом случае проверить нужно. Раз уж у Павла есть такая возможность.

– Виктор Васильевич, а как ваша экскурсия по объектам департамента безопасности? Узнали что-нибудь интересное?

– К сожалению, да.

– А почему «к сожалению»? – встревожилась Полина.

– Потому что мои подозрения, судя по всему, подтверждаются самым неприятным для вас образом. Короче, у вас в конторе завелся «крот».

– Кто?!

– Крот. Казачок засланный. Агент. Стукач. В общем, кому как больше нравится...

* * *

Далеко не каждый молодой человек, достигший одного из трех отпущенных жизнью четвертьвековых рубежей (всё остальное – исключительно бонус), может искренне признаться в том, что она, жизнь, удалась. Но в случае с Николаем Олейником дело обстояло именно так. Недавний выпускник ИТМО, «ботаник» с мозгами, но без связей, всего за несколько лет сделал очень недурную карьеру в «Российском слитке». В компанию его взяли специалистом по «железу» – лудить, паять, тянуть, настраивать – словом, служить на побегушках у ленивых юзеров. Но однажды волею случая ему подвернулась возможность продемонстрировать свои профессиональные навыки в теме, связанной с хакерской атакой на сайт компании. После этого случая Олейника заметили, поручили решить несколько тестовых задач и по их результатам пришли к выводу, что гораздо эффективнее задействовать его в направлениях, условно именуемых как «офисный шпионаж». А после того как Николай отличился в мероприятиях, связанных с поиском Ташкента и Ребуса, он был окончательно привечен Ладониным и осыпан особыми милостями. Отныне Олейник вел сектор сбора информации о конкурирующих фирмах и отвечал за защиту собственных компьютерных секретов компании. Словом, сделался одновременно мечом и щитом виртуального пространства ладонинской империи.

Компьютерщик – специальность по нынешним временам востребованная, на кусок хлеба всегда заработать можно. Так что, если программист бедный – значит, он плохо работает или работает не там. Николаю в этом плане крупно повезло: он и работал хорошо, и оказался вовремя и в нужном месте. Его зарплата в две с половиной тысячи условных единиц служила предметом зависти даже для многих менеджеров среднего звена. А уж про звено малое и говорить не приходится. Квартира-студия в центре, самое навороченное «железо», беспроводной Интернет, длинноногая подруга, персональные клубные карты ведущих увеселительных заведений города – и все это в двадцать пять с хвостиком лет. Недурно, не правда ли? Казалось бы, живи себе, прожигай припеваючи свалившееся, ан нет. Как мудро пел любимец Колиных родителей: «А мне всегда чего-то не хватает – зимою лета, осенью весны-ы-ы...» Вышло так, что на одной из шумных вечеринок, проходившей в далеко не самом дешевом клубе, сытый и удачливый мажор Коля заразился... нет, не триппером, а левыми идеями.

Видный российский деятель, ретивый монархист Василий Шульгин в своих мемуарах делил население России на две категории: «народ» («...в общем и физически здоровый, но ленивый, невежественный и лишенный одного из существенных элементов культуры – уважения к „чужой“ собственности») и «так называемую интеллигенцию». Причем по классификации Шульгина «полубольная, вечно всем недовольная» интеллигенция в свою очередь строго наполовину была представлена «нытиками» («дегенеративные эстеты») и «бомбистами» («анархизированные дегенераты»).

«Компьютерный бог» Олейник безусловно был страшно далек от «народа», но и в подкатегориях «так называемой интеллигенции» предпочел идти своим, срединным путем.

Потому как ощущать себя «нытиком» не хотелось, а записываться в откровенные «бомбисты» было немного стремно. Между тем в текущем сезоне увлечение политикой сделалось особо модной фишкой, так что пришлось срочно определяться, к какому лагерю себя причислить. В конечном итоге Николай сделал свой выбор в пользу ДПНИ. Он не разделял националистических идей, хотя, как и очень многие его сверстники, не любил и в душе презирал кавказцев. Равно как и тех маргиналов, которые постоянно ходят на массовые акции протеста либо бьют в подворотнях морды все тем же кавказцам. Так что в данном случае его выбор был отчасти профессиональным, поскольку выяснилось, что ДПНИ – как самостоятельное явление – жизнеспособно преимущественно в Сети. Лишь немного копнув вглубь, сразу начинаешь понимать, что это, по крайней мере пока, не более чем мощный, многофункциональный Интернет-проект. А Интернет Олейник любил и безмерно уважал.

Не секрет, что в последнее время блоги становятся все популярнее СМИ. Мы все превращаемся в публичных людей и, скорее всего, теряем от этого. Сегодня любой дебил может написать о тебе все что угодно, и теоретически миллиард людей может это прочесть. Создаются сайты, на которых сотрудники милиции самостоятельно размещают информацию о жуликах. Создаются сайты, на которых девушки многомиллионных городов обмениваются конкретными данными о замужних любовниках... И прочее по бесконечному списку. Темпы поглощения нас Инетом чудовищные. Матрица материализуется, и в результате Земля может превратиться в один большой экран. Она станет голой и холодной, как во второй день сотворения. А человек, рожденный с короткими толстыми пальцами, будет считаться неполноценным. И тогда поздно будет кричать: «Сделайте хоть что-нибудь!» Ибо все мероприятия по контролю за техническими каналами связи Интернета, ныне всепоглощающие проводимые спецслужбами, уже окажутся бессмысленными. А пока...

А пока Николай Олейник, памятуя о том, что настоящая известность приходит тогда, когда твою фамилию перестает подчеркивать Word, завел собственную страничку в «ЖЖ» и навесил на нее несколько довольно провокационных текстов. По большей части удачно скомпилированных из натыренных в Сети – благо там подобного флуда имелось предостаточно. Через некоторое время повалили комментарии (они и не могли не повалить, так как с помощью специальных программных примочек Олейник успешно накрутил свой счетчик). А еще через некоторое время страничка «Славянского фундаменталиста» (именно такой ник присвоил себе Николай) стала весьма посещаемой и обсуждаемой. Так началась его политико-гламурная борьба. О которой, кстати сказать, в «Российском слитке», естественно, ничего не знали. И в этом был очень серьезный прокол Саныча. Увы, но идеальных людей, не говоря уже о работниках, действительно не существует. Вот и у верного и надежного Саныча имелась своя ахиллесова пята – он ничего не понимал в компьютерах и во всем, что с ними связано. И, соответственно, разбирался в них, как известное животное в цитрусовых.

После позорного, чего там греха таить, бегства Ребуса сначала из Питера, а потом и из России под ласкающие ухо шелест марбельских пальм и рулады набегающих на пляж морских волн сложившаяся ситуация была подвергнута самому тщательному анализу. По результатам которого было найдено единственно возможное ей, ситуации, объяснение – бубновые хлопоты Ребусу и его команде обеспечил Ладонин. И здесь уже неважно, что именно движило им в тот момент – то ли пиковый интерес, то ли уязвленное в связи с похищением его бабы самолюбие.

Завьялову было поручено продумать и организовать адекватную ответку. Сергей Гаврилович отнесся к этому заданию со всей серьезностью, понимая, что второй подряд прокол в боданиях с Ладониным персонально ему обойдется неоправданно дорого. И поскольку конкретных сроков перед ним пока не ставилось, он решил запустить в действие долго-

играющий проект, связанный с вербовкой человека из ладонинского окружения. Торопиться в этом деле и правда не следовало: зная возможности службы Саныча, Завьялов понимал, что рискнуть поставить на лошадь он сможет только один раз. А, значит, это должна быть правильная лошадь. Таковую в конечном итоге он и отыскал в лице Николая Олейника. «Сделал» его Завьялов изящно и на удивление легко, даже не прибегнув к казалось бы самому безотказному во все времена способу «перековки» – покупке с потрохами. Тем самым Сергей Гаврилович сэкономил для хозяйской казны энную денежную сумму. За вычетом премии, которую выписал сам себе – за креатив.

Не будем вдаваться в подробности, каким именно способом Завьялову удалось установить, что популярный сетевой вольнодумец «Славянский фундаменталист», журнал которого к тому времени уже понемногу начинал вызывать раздражение у соответствующих органов, и Николай Олейник – одно лицо. Вычислив это, Сергей Гаврилович немедленно обеспечил журналу массовый приток новых комментаторов. Здесь пришлось чисто механически попотеть, ибо каждый уникальный посетитель со своим образом мыслей и некоей биографией являлся исключительно плодом бурного воображения Завьялова. Изобретенные им виртуальные фантомы отличались повышенной резкостью суждений, были радикально настроены по отношению к властям, в своих оценках не стеснялись пропагандировать фашизм, а некоторые своей словесной агрессией и вовсе, что называется, балансировали на грани. Очень быстро подобные литературные извращения повлекли за собой цепную реакцию – прослышав про «совершенно отмороженный сайт», на страничку к Олейнику потянулись как и сами «отмороженные», так и просто любопытствующие. Так неожиданно к Николаю пришла слава, а вместе с ней серьезная проблема – ежедневно модерировать свой журнал на протяжении всех двадцати четырех часов он, естественно, был не в состоянии. Ведь помимо «хобби» у него имелась еще и основная работа. Опять же когда-то надо спать, есть, пить, ходить на тусовки, трахаться, посещать магазин «Кей»...

А еще через какое-то время Олейник был неприятно удивлен тем, что в этой жизни случаются и более серьезные проблемы. Начались они с того, что в один не самый прекрасный день Николаю было предложено подъехать в один доселе неизвестный ему кабинетик, что на Литейном, 4. В этом самом кабинетике вежливо и доступно Николаю объяснили, что его невинное «хобби» вполне подпадает под действие статьи УК, подразумевающей ответственность за разжигание межнациональной розни. И с очень даже реальным, а не условным сроком. «Так что иди пока, Коля, и крепко подумай. И подумай сам, своей головой. Ибо в этой ситуации „Тефаль“ за тебя думать не станет». В ту ночь всерьез напуганному Олейнику действительно преимущественно думалось, а не спалось. К утру он принял окончательное решение, что с ДПНИ следует завязывать, – уж лучше переметнуться к безобидным, хотя и беспонтовым метросексуалам, нежели получить бесплатный абонемент на посещение сперва давешнего кабинетика, а затем и вовсе неуютного помещения камерного типа. В общем, Желябова из Олейника не получилось, требовалось срочно перекалфицироваться в «управ-кондомы».

Но, как оказалось, было поздно. Через пару дней после судьбоносного визита на Литейный на Николая вышел Сергей Гаврилович. Надо ли объяснять, что профилактическая беседа в Большом доме была организована именно с его подачи? Завьялову требовалось чтобы клиент созрел окончательно, и знакомые эфэсбэшники с легкостью пошли ему навстречу в этом вопросе. Тем более что интерес был обоюдовыгодный.

Махнув красными корочками пенсионера МО РФ (дотошно вчитываться в них Олейнику было вовсе не обязательно), Сергей Гаврилович предложил прогуляться до ближайшей кафешки. И здесь за чашечкой эспрессо невзначай пояснил, что веселая жизнь Олейника закончилась. Ибо в рамках возбужденного уголовного дела по факту угрозы убийством губернатору города он, Николай Олейник, как реальный хозяин аккаунта «Славянский фун-

даменталист», будет привлечен к уголовной ответственности наравне с шутником, разместившим эту виртуальную угрозу на его страничке.

В своей речи Завьялов был так убийственно спокоен и убедителен, что на Олейника тут же накатил приступ «медвежьей болезни». Возвращаясь из уборной, он уже внутренне ожидал увидеть конвоира со служебной собакой, но вместо этого Сергей Гаврилович заказал еще по чашечке кофе и повел пространные речи о молодежи, которой дурят голову взрослые провокаторы, об ответственности за судьбу страны и даже зачем-то процитировал Достоевского в части мира, не стоящего слезы ребенка. И когда плохо соображающий Николай сделался близок к состоянию умопомешательства, Завьялов неожиданно предложил в обмен на прекращение уголовного преследования стать информатором ФСБ в «Российском слитке». Сергей Гаврилович с чекистской обстоятельностью приоткрыл перед ним «оперативные карты» в отношении Ладонина. Он делал это столь убедительно, что под конец беседы Николай и вправду почти поверил, что его босс отмывает значительную долю своего бизнеса посредством финансирования русского фашизма.

Словом, Олейник согласился. А куда было деваться? Как сетовал герой знаменитого бродвейского мюзикла «Оклахома»: «Я захотел жениться на ней, когда увидел отблеск лунного света на дуэльной ее отца».

* * *

— ...А теперь подводим краткий итог. Система архивации видеоданных в дежурной комнате устроена таким образом, что при кратковременном отключении электроэнергии включается альтернативный источник питания. Так что сама по себе запись прохода «дарителя» пропасть не могла. Ее затерли. Это раз. На компьютере секретарши установлен «троян», позволяющий получать удаленный доступ ко всем папкам и к электронной почте. Куда идет трафик перехвата, мы установим в самое ближайшее время. Хотя догадаться не трудно, учитывая, что защитой персональных компьютеров у вас, по сути, заведует один человек. Это бардак — и это два. Далее, на электрощите навесной замок в буквальном смысле открывается ногтем. Так что получить доступ к рубильнику не составляет особого труда. Это очередной бардак — и это три. Идем дальше... Если мои рассуждения верны, для того чтобы точно знать, когда именно следовало рубануть электричество, должен иметь место контрольный звонок. Если так, это значительно облегчает наши поиски: время прохождения звонка, в принципе, известно, трубка Николая — тоже. Анализируем биллинг и получаем номер исходящего. Конечно, нельзя исключить, что схему работали двое — один по телефону выводил на нужное время, а второй заходил в здание. Но в любом случае установление связи — серьезный шаг вперед. Уф-фф. Я закончил, господа... Не считите за труд, плесните немного живительной влаги, а то у меня в горле першит от столь длинного монолога, — попросил Смолов, откидываясь в кресле.

— Вот ведь мразь какая! — эмоционально прореагировала на озвученный расклад Полина. — Интересно, сколько они этому иуде заплатили?

— В данном случае гораздо важнее, кто такие «они». Что же до денег... Мотивация, она разная бывает. И далеко не всегда финансовая.

— А мне наплевать, какая у него мотивация. Я вот сейчас дам команду Грише и Севе — они его через час притащат и всю душу вытрясут. И не надо будет ни на какие биллинги заморачиваться, сам все расскажет.

— Вах, что я слышу? И это говорит бывший сотрудник правоохранительных органов, — усмехнулся Паша.

— А то у нас в отделах милиции показания не выбивают!..

– Неправильный подход к снаряду, Полина Валерьевна, – спокойно объяснил Смолов. – Если мы сейчас изыдем Николая как некое образование, сразу порвется вся цепочка. Он всего лишь звено. А нам нужен, как минимум, кулончик. И вообще, намного эффективнее сделать человека своим временным союзником, чем превращать его в непримиримого противника. Поэтому поступим так: завтра с утра я к вам подскочу и немного поковыряюсь в компьютере секретарши. Сразу предупреждаю: никаких инородных тел извлекать я не буду. Пусть все идет как оно шло. В конце концов, а вдруг нам срочно понадобится запустить какую-то дезу? Вот только помните, что пока через эту машину конфиденциальную информацию отправлять не следует. Я бы вам посоветовал временно завести ноутбук с модемом и устанавливать связь для отправки и получения электронных сообщений через телефон. Ибо сейчас, входя в почту через сервер своей фирмы, вы, к сожалению, уязвимы.

– Ага, а сами сообщения следует писать невидимыми чернилами, – сдохмил Козырев.

– Ну, надеюсь, до этого не дойдет. Хотя изготовить такое не так уж сложно.

– Вы что, знаете рецепт изготовления таких чернил?

– Конечно. И не один.

– Наверное, нужны какие-то особые химикаты?

– Если на скорую руку, то достаточно лишь одного – мочи.

– ??!!

– Обыкновенная моча разбавляется водой до прозрачной консистенции. Чернила готовы. Далее текст наносится на бумагу ватной палочкой, периодически смачиваемой в этом, с позволения сказать, растворе. Далее следует дождаться, когда лист просохнет – и все, письмо можно отправлять адресату.

– А читать как? Помочиться на лист, что ли?

– Ф-фу, это же неэстетично. Да и чернила могут размазаться. Но направление, в принципе, верное. Нужен поток теплого воздуха. Как вариант – просушить феном. Или нагреть лист над электрической лампочкой.

– Класс! Теперь всю свою конфиденциальную корреспонденцию буду писать только так.

– Кроме любовных посланий, пожалуй, – уточнил Смолов.

Все, за исключением Полины, развеселились. Наблюдая за Павлом и Катей, она в очередной раз ревниво отметила, что лично ей даже написанных подобным образом посланий в этой жизни, похоже, больше не дожидаться. И сделалось Полине от этой мысли и мутно, и тошно. Хотя, казалось бы, куда уж тошнее?..

* * *

А в это время, закончив свой трактат, молодой сотрудник из отдела Серпухова удовлетворенно откинулся на спинку стула и потянулся, разминая затекшие конечности. Он тщательно выписал все телефоны из записной книжки подозреваемого в изнасиловании, по базе установил адреса и большинство абонентов. В качестве последнего штриха молодой назвал сей документ справкой и подчеркнул самые, на его взгляд, умные мысли красным фломастером, который выдохнулся еще в прошлом году и больше противно скрипел, чем красил. Сама справка получилась столбиком, как учили. Университет – не погрешь!

Глава третья

Скрывайте мелкие оперативные шаги за находящимися на виду и не вызывающими опасений действиями... Обеспечивайте себе возможности, но используйте их нечасто.

Из «Московских правил»¹ Тони Мендеса

Назавтра, с утра пораньше, Козырев подкатился к Михалевой с загодя прикупленными к чаю ее любимыми «белочками» и как бы невзначай принялся осторожно прокачивать эрмитажную тему – что называется, приступил к «работе с источником».

– Людмила Васильевна, а вот эти хранители музейные, они вообще чем занимаются? Экспонаты стерегут?

– Стерегут сторожа, а они хранят. Улавливаешь разницу? Но работа хранителей заключается не только в том, чтобы хранить вещи. Самое главное – это научная обработка фонда: работа в архивах по атрибуции вещей, изучение истории их поступления. Я ведь тебе объясняла: очень часто картина называется, к примеру, так: «Неизвестный художник. Портрет неизвестного». Так вот задача хранителя – найти автора и того, кто на этой картине изображен. С этой целью специалисты годами работают в архивах, в других музеях, с литературой.

– А что, просто так заниматься историей вещи нельзя? Обязательно нужно ее при этом хранить?

– Если не передавать предметы на хранение, стать специалистом практически невозможно. Требуется постоянно работать с «живыми» вещами, а не с абстрактными статьями в журналах и книгах. Плюс – сугубо прагматические функции хранения: поддерживать режим, вовремя отправлять экспонаты на обработку к реставрационным службам. Это тоже очень важная и ответственная часть работы. К примеру, я знаю, что в том же Эрмитаже один нерадивый хранитель в свое время палец о палец не ударил, чтобы позаботиться о надлежащей сохранности своей коллекции. В итоге за десять лет моль в прямом смысле сожрала несколько уникальных ковров... Погоди-ка, мил-человек, а с чего бы это ты вдруг заинтересовался? Ты, который не любитель информационного спама?

– Да так, просто любопытно, – замялся Паша.

– Ой, не юлите, господин офицер! Еще и конфетки подтащил, зная про такую вот слабость пожилой женщины.

– Какая ж вы пожилая?!

– Так, теперь еще и комплименты в ход пошли. Суду все ясно – налицо все признаки залегендированного разведдопроса. А ну-ка быстренько колись, на какую разведку работаешь? Кто вы, доктор Зорге?

Паша покраснел, сделал тяжелый выдох и, смирившись с неизбежным, начал давать признательные показания. Но делал он это столь сбивчиво и путано, что из его рассказа Михалева мало что поняла. Кроме, разве что, самого главного – тема для Козырева действительно очень важна.

– Стоп машина!.. Да уж, рассказчик из тебя, Пашка, извини, конечно, как из дерьма пуля.

– Это почему? – обиделся Козырев.

¹ «Московские правила» – сборник, подготовленный офицером технического подразделения ЦРУ Тони Мендесом. Текст представляет собой набор кратких, афористических правил, которые в сжатой форме передают опыт работы американских разведчиков в здании посольства США в Москве.

– Потому что тебе, в силу неких причин, очень не хочется вываливать мне всё. А в результате получается: «столь хитро воспеваю, что песни не пойму и сам». Посему давай сразу, начистоту – что от меня требуется?

– Людмила Васильевна, вы как-то говорили, что у вас в Эрмитаже работает подруга.

– Ну да, Илонка.

– Не могла бы она аккуратно выяснить, кто из сотрудников «Русского отдела» несколько недель назад получил приглашенный билет на гала-концерт «Большого вальса», но по каким-то причинам сам на него не явился? Вот только, если честно, я не очень хорошо представляю, как это можно сделать.

– Ну, это-то как раз не проблема. Она же в кадрах работает, а кадры не только решают, но и знают все. Тем более, Илонка болтушка страшная. Обожает интриги и сплетни.

– А вот «болтушка» в данном случае не есть хорошо.

– Ничего, мы ее сами так заинтригуем... Она ведь просто помешана на детективах. На всех этих Донцовых, Марининых и Бушковых. Вот на этот крючок мы ее и подсадим. Представь: «Дело о внезапно пропавшем билете». Или «Дело о таинственном любителе вальсов». Звучит?.. Кстати, где-то про такие фишки я уже читала. Ну что, будем звонить?

– Давайте попробуем.

– Не обижайся, но в таком разе попрошу тебя временно покинуть мою штаб-квартиру. Вдохновенно врать я могу только в полном одиночестве, без свидетелей. Такая вот природная стыдливость...

Минут через сорок, когда Паша уже окочательно разуверился в положительном исходе дела, в дверь постучалась Михалева и с порога торжественно объявила:

– Агент Трианон задание выполнил. Резидент Илона приступает к работе, о результатах которой обещает доложить незамедлительно. Тотчас по получении соответствующей информации.

– Благодарю за службу! – подхватил интонацию Козырев.

– Да разве это служба?! – отмахнулась соседка. – Чай, не сейфы двухметровые из американского посольства тягаем...

– Какие сейфы?

– Да это мне недавно дружок мой закадычный, Колька Синельников, рассказывал. Несколько лет назад в посольстве США в Москве случился сильный пожар. По давно и не нами введенным порядкам на подобные происшествия в дипмиссиях выезжают не обычные расчеты, а специальные пожарные команды. Вот с ними-то в американское посольство и отправили переодетых в огнеборцев сотрудников контрразведки. Как нетрудно догадаться, с целью потырить из здания как можно больше секретных документов. В результате после тушения огня американцы обнаружили пропажу огромного, в человеческий рост, металлического сейфа. Естественно, Штаты направили ноту протеста. А в ответ получили заключение экспертизы, составленное пожарными, что бушевавшее в посольстве пламя было настолько сильным, что сейф расплавился. Между тем руководитель группы контрразведчиков, орудовавших в дыму, получил Героя России. Круто?..

– Круто! Вот только откуда этот ваш Колька такие подробности узнал?

– Так Синельников тот самый руководитель и есть. И историю эту он мне рассказал, когда мы с ним эту самую Звезду обмывали.

– Ни фиги себе у вас знакомые!

– А ты как думал? Я вообще очень интересная женщина! – кокетливо заметила Михалева. – Потому и толкую: твоя просьба – это так, не служба, а службишка. А вот служба, чую, впереди будет. Так что запасайся «белочками».

Вдохновленный Козырев попытался развить утренний успех и набрал Серпухова, с которым они сегодня собирались пересечься. Однако здесь не срослось. В этот субботний

день Леха уже находился на службе и, по его словам, совершенно не представлял, когда сможет освободиться. Какой-то у них там внеплановый «свистать всех наверх» образовался. Так что Серпухов дико извинялся и просил перенести встречу на понедельник. Дескать, «вот зуб даю, Козырь, послезавтра – точно, на все забуду, встретимся и пошепчемся». Паша отключился и подумал, что с такими словами Леха рискует получить серьезные стоматологические проблемы. Ведь был он большим мастером предсказывать погоду. Вот только погоду на вчера...

* * *

После дежурных суток, бестолкового дневного сна и утомительной поездки на дачу Серпухову было тоскливо и муторно. Собравшиеся в кабинете мужики ждали от него указаний, а он от них, соответственно, креативу. Ни того ни другого не было, поэтому народ смолил почем зря и лениво переругивался. Всем, за исключением разве что молодого, было невыносимо жаль загробленной вторую неделю подряд субботы. И снова, заметьте, загробленной из-за бабы.

Леха обвел взглядом свою гоп-команду, и ему сделалось еще муторнее. Во-первых, сейчас вся мировая общественность думает, что у него в руках преступник. Во-вторых, этот «отличник» нарисовал справку. А вот если бы поленился, то хотя бы можно было поднять вой. Короче, куда ни кинь, всюду клин.

– Да, интересно девки пляшут по четыре попы в ряд, – философски изрек Дима Травкин, извлекая из сумки тоненькие бутерброды черного хлеба с яйцом. – Есть мнение, что без Бати здесь не обойтись...

Это был, конечно, не креатив – но уже идея. Причем в сложившейся ситуации – не лишенная здравого смысла.

Слова «Батя» и «розыск» по сути являлись синонимами. Он прослужил в отделе столько, что со временем большинство сотрудников напрочь забыли его исходные установочные данные. Так что однажды в приказе на розыскания, помимо прочих «полномоченных», устроивших пьяный дебош в шашлычной на углу Садовой и Гороховой, машинистка так и вколотила его в общий список: «...№ 3 Травкин Д. С., № 4 Батя».

Он отслужил все, что можно, и все, что нельзя. И ровно столько же ему в этой жизни пришлось. Отправить Батю на пенсию представлялось делом абсолютно невыносимым – все равно что вынести Ленина из Мавзолея. Да и то сказать – какая, к примеру, практическая польза от забальзамированной мумии? А вот от Бати этой самой пользы – хоть вагонетками отгружай. Притом что и тот и другой являлись символами, хоть и разного масштаба.

Выдал Батю на пенсию свалившийся как снег на голову и заступивший в должность Зама «генеральский сынок». Как-то после одной из посиделок парни, загоревшись предложением Бати, послали стажера к любовнице Зама, опросить на предмет ее связей якобы по делу. Тот купился и пошел. Да так пошел, что она через цепочку удостоверение у него вырвала и Заму позвонила. Тот, ясен пень, маленько осерчал, но ребят к тому времени под рукой не оказалось. Все хохмачи, за исключением Бати, заблаговременно исчезли. Вот на нем он и застывал, и отыгрался.

Выдать-то Батю выдавили, но не более того. Когда на пенсию провожали, даже ксиву милицейскую на руках оставили, постеснялись попросить. Зам, правда, пытался что-то такое мяукнуть, но получил в дыню. Так что с тех пор Батя продолжал ходить на работу и продолжал отгружать свои вагонетки. Разве что теперь он делал это не каждый день – годы все-таки сказывались. Да и бухать стал гораздо чаще, пользуясь законным статусом пенсионера-положняка. Но до сих пор самые серьезные разработки без участия Бати были фактически невыносимы. Ибо он не раскрывал – он чуял.

В отдел Батю доставили ровно за час. Травкин сгонял на своей «Ниве». Причем сама дорога заняла минут пятнадцать, не больше. Остальное время ушло на побудку и легкий, но необходимый опохмел.

– Батя, тут у нас раскрытие наклеывается. Понимаешь, маньяки документы терпилам дарят. Вот мы и анализируем. Только что-то не того... – точно выразил мысль Серпухов.

– Сперма у твоих предков не того, – дыхнул Батя самопальной водкой, выпитой за шесть часов до этого.

– Согласен. Читай справку.

– Справки пишутся не для чтения, а для подшивания. Убери эту чепуху – дай свои крохи.

– Дывись.

– Уйдите все.

– Уходим, уходим.

– Не уходим, а кофе, лимон, рюмка «Гжелки». Уяснили? «Гжелки»!..

На представление собрались все, кого в этот субботний день занесла в отдел нелегкая. В их числе был и «молодой», который ничего не понял. Рюмочку поднесли на цыпочках, знали: одно неверное слово – и Батя посылает всех. Анализировать.

– Гляди лучше. Считай, что ты в шестнадцатом веке подмастерьем у алхимика, – подтолкнул локтем «молодого» Травкин. «Молодой» увидел, что таинство началось, и притих.

Батя полистал книжку, закурил, чуть пригубил хороший кофе (достали через секретаршу в приемной) и снисходительно вздохнул:

– Понятно... Сколько лет по приметам-то? – обратился он к замершей толкучке в дверях.

– Лет 37–39! – протараторил Серпухов, чуть не добавив при этом «ваше благородие».

– Все правильно, – согласился с ним Батя. – Две-три судимости, но долгих. В изоляторе сидел больше, чем на зоне. Тяжкие телесные и хулиганку имеем точно, но еще ворует. Вопрос: с чего это на баб кидается? Хотя...

– По почерку узнал... – догадался «молодой». Хорошо хоть не добавил: «и ваньку валяет». Таких бы огреб от сотоварищей!..

– Утеньки, мой поросенок! Зачет по смекалке в яслях с первого разу сдал? – ошетинился Батя.

«Молодой» тут же получил локтем в солнечное сплетение. Пискнув, он отошел в коридор и осел по штукатурке. Обидно, ну и манеры.

– Я думаю, у Вики или Руслана, – заключил Батя. – Еще рюмку.

Батя солидно опрокинул и, подтянув к себе телефон, семь раз крутанул диск. Начал колдовать:

– Добрый денечек! Постояльцев позови... Как не снимают?.. Ну тогда прощевайте, – пробил Батя. Он в задумчивости побарабанил по столу пальцами. – Не уверен, не уверен, – и снова снял трубку: – Вик, ты? Вика, говорю, – ты?.. Черт, не слышно! Вика!.. – и бросил трубку. – Вот, похоже, она!.. Наркоманка в прошлом, чуть пьяная, квартира коммунальная, соседи на даче либо хронь. Очень похоже.

Батя осмотрел зрителей:

– Минут через десять перезвоним и, возможно, поедем за вашим насильником.

Дыхание «молодого» восстановилось, но он не унимался:

– Скажите, пожалуйста, а с чего это все берется?!

– Первое – это где были записаны телефоны. Второе – на чем. Третье – сам корябал или баба? Четвертое – Вика, например, или Ал. Иван. Пятое – ты не поймешь. Двадцатое –

голос, это как скрипка. Можно определить, в каком веке, из какого дерева и где то дерево росло. Сотое – ты не учишь пока, а гляди...

Захмелевший с устатку Батя снова набрал номер Вики:

– Вика, алле, ты слышишь, нет?.. Твою мать! – И уже не бросил, а положил трубочку. – Ну что? Погнали наши городских? Большой Сампсониевский, 50, квартира 6. Если повезет – будет первый этаж.

Подъехали. Осмотрелись. Повезло. Батя прогулялся вдоль окон высокого первого этажа, понюхал расщелину двери, проверил почтовый ящик и, вернувшись к машине, доложил:

– Четыре окна, все во двор. Первое – кухня, затем три комнаты. Хозяева разные, центральная комната пустует. Во втором окне чернявенький парень – нервничает, но навряд ли мы его шукаем.

– А почему хозяева-то разные? – взбодрился «молодой».

– Счета за квартплату – три квиточка, на три фамилии. Вопросы? – Батя сунул под нос квитанции, которые только что вытащил из сломанного отделения для писем квартиры № 6.

– Тогда чего? Врываемся – всем стоять? – предложил Серпухов.

– А если я ошибаюсь? Вика ему доложит. А она точно его крепкая связь.

– Тогда врываемся под залегендированным предлогом – всем лежать!

– В смысле – хозяева, дайте воды напиться? Мудро, – погрустнел Батя. – Значит, так, эскадрон, слушай мою команду! Я захожу один, показываю фотографию своей жены, задаю идиотские вопросы. Если подхожу к окнам – значит, он в хате. И вот тогда дальше, как сказывал мусье Серпухофф, всем лежать.

Батя вошел в подъезд, остановился у двери, коротко, но требовательно позвонил. На звонок долго не открывали, затем послышался настороженный вопрос.

– Извините, милиция, – честно ответил Батя.

– И что? Нам выйти с поднятыми руками? – съязвил мужской голос.

«Похоже, сидел. Но разве что по малолетке. Но не он», – установил для себя Батя.

– Хозяйку позови!

– А ты что, через дверь можешь определить, что я здесь не прописан?

– Я могу определить, что ты больно борзый. И если ваша парадная будет трепать мне нервы из-за какой-то дуры, которой вчера вручили куклу вместо денег, то я осерчаю и потрачу свое время на то, чтобы потратил время ты. Но уже в обезьяннике и часа три как минимум. Ты меня услышал, чертополох? – прицелился Батя.

– Ладно, начальник, сейчас Вику позову, – дал по тормозам голос, подтвердивший существованием «начальник» ошибки юности.

После хорошо слышного бухтения высоченная, в семь слоев покрашенная, с тремя сломанными замками дверь зевнула. Изнутри потянуло легким притоном, однако без признаков гопничества. Батя сразу уловил духи преступного мира – так кокотка всегда узнает запах соперницы.

– Извини, Вика. Глянь на фото – может, когда во дворе видела или там чего-нибудь... – Четыре лика жены, забранные накануне из фотоателье, очутились перед Викой. А сам Батя сделал шаг в квартиру.

– «Чего-нибудь» у тебя в штанах, – захрипела прокуренной гортанью дамочка.

– Согласен... Ты zenки-то разуй. Кстати, а это кто у тебя там шастает? – поверх, с позволения сказать, прически увидел Батя.

– Ищё чего?

– Вика, не скандаль. Со мной устанешь. Уважаемый, прописочку покажем для бле-зиру, – просовываясь между треснутым косяком и телом в нестираном халате, окликнул Батя.

- Ну, началось, – развернулся черненький паренек и недовольно юркнул на кухню.
- Да будет вам кипятиться, формальность.

Проверив паспорт у чернявенького, Батя, разумеется, увидел, что документ настоящий, но не его. Фотография схожа, но не более. Ладно, поищем другого. Другой нашелся и показал паспорт на имя Дорофеева Евгения, однако искусственно раздражался, переигрывал.

Он!!!

Батя порассуждал о проходной парадной, об обманутой женщине и без спроса хлебнул из стоявшей на полке открытой полуторалитровой кеги явно позавчерашней «Балтики». Тем самым слегка успокоив двоих настороженных мужчин. Он подошел к открытому окну кухни и громко стал показывать, куда якобы приезжало такси и высаживало мошенницу.

«Серпухов энд компани» его сигнал поняли и крадучись метнулись. Однако дверь со двора в парадную оказалась закрыта – какая, блин, неожиданность! Пришлось оббегать дом, который был впритык подогнан к соседнему. Между прочим – метров триста с гаком. Но, добежав до конца «гака», выяснилось, что парадные с Сампсониевского устроены, мягко говоря, странным образом. Короче, полминуты тыркались.

Батя тем временем пытался очень медленно, упираясь надуманными вопросами, не уходить из квартиры. Краем глаза он заметил, как Дорофеев сжался, – похоже, о чем-то таком догадался. Тогда Батя решительно промаршировал коридор и скомандовал:

– Дорофеев, собирайся, ты задержан... И я тебя умоляю: только давай без «на каком основании»... Когда последний раз откинулся-то?

– Мне надо собрать вещи.

– Потом. Успеешь кули на подводы кинуть.

Тут в дверь позвонили. Однако Вика открывать не собиралась и приготовилась к истерике. Посмотрев на нее, Батя понял, что сейчас приказывать Вике бессмысленно.

– Я тебе говорю, успокойся. – Батя подошел к Дорофееву вплотную.

– Мне надо собрать вещи, – повторил тот, зло глядя в глаза.

– Стой ровно.

– Руки убери, – ощерился Дорофеев.

Батя чуть пропустил его вперед, после чего захлестнул шею и повалил Дорофеева на пол, оказавшись наверху. При падении перевернулся стул, на котором стоял пластмассовый таз с замоченным бельем: вода и мокрые шмотки вмиг оказались на Бате. Соответственно, стекало и на Дорофеева.

На вполне прогнозируемые Викины: «Козел, что ты делаешь?!» – Батя внимания не обращал. Сейчас его куда больше занимал тот факт, что в полуметре от них стоял и пристально вглядывался двухгодовалый ребенок в одной майке. Однако пупс, похоже, в своей недолгой жизни видал всякое, а потому не заплакал.

Внезапно вспомнив про второго, Батя краем глаза покосился на чернявенького. Тот сидел в глубоком кресле и равнодушно наблюдал из комнаты. И это очень не понравилось Бате.

– Чего творишь – я не сопротивляюсь! – проскрипело снизу.

– Спокойно.

– Это ты успокойся. Мне надо собрать вещи.

– Я тебе обещаю, что разрешу привезти вещи. А курево сам тебе куплю.

– Хорошо, хорошо...

Оба, кряхтя, встали. Мокрые рубашки и штаны прилипали к телу.

А в дверь продолжали долбить – теперь уже ногами. Оценив бесперспективность, Серпухов убежал на исходный рубеж, подставил ящики с помойки и попытался залезть в открытое окно кухни. Ящик под ним подломился, и Леха тут же разодрал до крови голень. Тогда он отчаянно заорал:

– Вика, сука, открывай конуру!!

Та, наконец очнувшись, испугалась сама и теперь дрожащими пальцами пыталась вернуть истрепанный французский замок. Его, разумеется, заело. Естественно, из-за двери этому не верили и добавляли к серпуховским воплям:

– Вика, дверь к ебням разнесем. Потом пыхтеть будешь, чинивши!

Батя прижимал Дорофеева к двери грамотными уговорами. Тот, уже не пытаясь бежать, порылся в спортивной сумке, вытащил пачку денег и протянул Вике, вопросительно глянув на Батю. Он кивком разрешил, держа в фокусе руки Дорофеева и спокойного такого парня в комнате.

– Матери отдай, – потребовал Батя.

– Вика сдала? – прошептал Дорофеев.

– Вика здесь ни при чем. Просто матери больше пригодятся, – так же тихо ответил Батя.

Дорофеев отдал деньги Вике. Это потом мужчины жалеют, а поначалу все «Викам». Батя, продолжая фиксировать взглядом руки, с первого раза открыл дверь сам, и всех троих чуть не снесли сыщики.

– ...Ша, народ, похоже, со всеми договорились, – на правах старшего закончил разруливать Серпухов. – Забираем Дорофеева и... – он вчитался в документы второго, – гражданина Дортюка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.